

Улаф Кушерон

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЕНЬКОЙ
ТРЕСКИ

Annotation

Книга «Приключения маленькой трески» (1948) впервые вышла на русском языке в переводе Юлианы Яхниной и Софьи Тархановой более полувека назад. По словам самой Ю. Яхниной, это «простодушная научно-популярная сказка». Пожалуй, точнее о повести норвежского писателя Улафа Кушерона и не скажешь. Иллюстрации для нового издания сделала художница Яна Хорева, которая попыталась передать всё многообразие морской флоры и фауны с максимальной достоверностью.

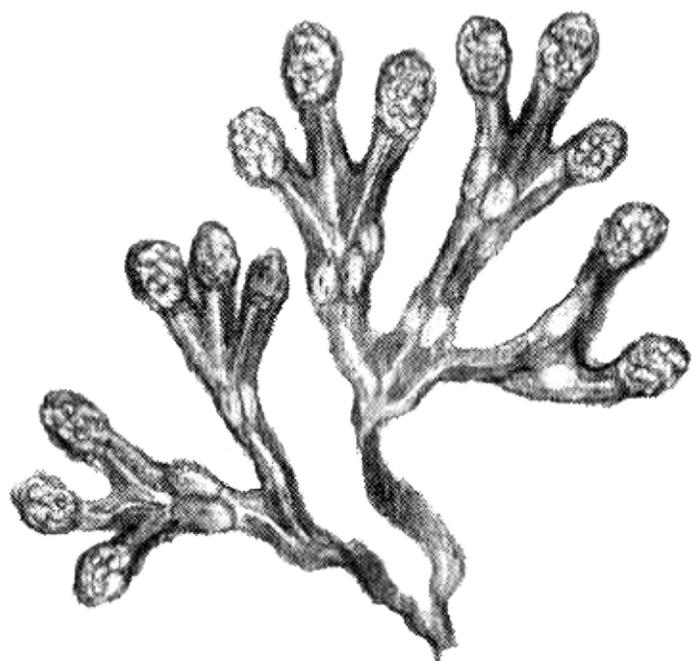
«Приключения маленькой трески» — книга уникальная, ведь в её основе — то самое сочетание правды и выдумки, которое не оставит равнодушным даже самого смыслёного читателя. Почему рыба никогда не тонет? Что случится, если дотронуться до щупалец медузы? Какие опасности таят в себе «морские цветы»? Книга отвечает на эти и многие другие вопросы, предлагая ребёнку отправиться в путь вместе с весёлой рыбкой по имени Тронд и узнать, какие загадки таит в себе огромный подводный мир.

- [Улаф Кушерон](#)
    -
    - [Предисловие для взрослых](#)
    - [Рождение Тронда](#)
    - [Среди дрейфующих льдов Баренцева моря](#)
    - [В морском лесу](#)
    - [Тронд спасается от косаток](#)
    - [Тронд направляется к югу](#)
    - [Тронд заводит новых друзей у побережья Мёре](#)
    - [Дядюшка скат](#)
    - [К Лофотенскому морю вместе с крупной треской](#)
-

Улаф Кушерон
Приключения маленькой трески

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Лофотенские острова

Москва **КомпасИд**
издательский дом

Предисловие для взрослых

В книге Улафа Кушерона «Приключения маленькой трески» замечательным образом сочетаются познавательное и художественное. В детской литературе это, пожалуй, один из самых обстоятельных рассказов о жизни рыбки — с момента ее существования в виде икринки до превращения во взрослую треску. Он полон интереснейших биологических деталей и подробностей. И если ребенка волнует вопрос «Откуда что взялось?», то книга «Приключения маленькой трески» по-своему на этот вопрос отвечает. Кроме того, перед читателем разворачивается грандиозная панорама жизни в морских глубинах — с ее многочисленными обитателями, с ее драмами и трагедиями.

Но поскольку «Приключения маленькой трески» не просто научно-популярное, а художественное произведение, оно еще и захватывает читателя эмоционально. Маленькая рыбка по имени Тронд — самый настоящий герой повести. И автор «очеловечивает» ее в такой степени, чтобы, не нарушая границ научной достоверности, вызвать у читателя сочувствие, побудить к сопереживанию. Так что история Тронда оказывается еще и историей взросления — этакий «роман воспитания» на «рыбном материале».

Поэтому книга будет интересна самым разным детям: и мальчикам, и девочкам, и тем, кто увлекается биологией, и тем, кто любит приключенческие сюжеты, и тем, кого отличает склонность к тонким душевным движениям.

Что касается педагогов, то они вполне могут рассматривать «Приключения маленькой трески» как прекрасное пособие по экологическому воспитанию. Ведь хотим же мы, чтобы познавательный интерес в наших детях сочетался с эмоциональным отношением к природе? Чтобы ребенок учился ее беречь?

Марина Аромштам

Рождение Тронда

Мир был маленький и круглый. Он был такой тесный, что Тронд едва мог пошевелиться. И всё же он казался Тронду удивительным и прекрасным. Большими, широко раскрытыми глазами Тронд разглядывал стены своего мирка — а ведь это была всего-навсего обыкновенная тресковая икринка.

Ну а когда ты узнаешь, что обыкновенная бутылка из-под молока может вместить полмиллиона тресковых икринок, то легко поймешь, что Тронду было особенно негде развиваться.

Он должен был смиренненько лежать в сероватой полупрозрачной икринке и глядеть большими черными глазами на ее удивительную оболочку. Каждую секунду на этой оболочке появлялся новый узор: яркие зеленые цвета сменялись светло-серыми.

Впрочем, Тронду пока и не требовалось особенно много места. Ведь в длину он имел всего каких-нибудь пять миллиметров и, по правде говоря, больше всего напоминал коротенькую булавку.

И всё же, хотя в икринке по-прежнему было так много интересного, Тронд вскоре заскучал. Кругом становилось всё теплее и светлее. Внезапно Тронд ощутил во всем теле какое-то странное покалывание. Теперь ему уже стало просто необходимо расширить свой крошечный мирок. Он начал яростно вертеться, словно червяк на рыболовном крючке.

Прошло несколько дней, а Тронд всё барахтался в своей икринке. Но понемногу он набирался сил, и движения его становились всё размашистее и увереннее. Нет, оставаться в икринке было просто невозможно...

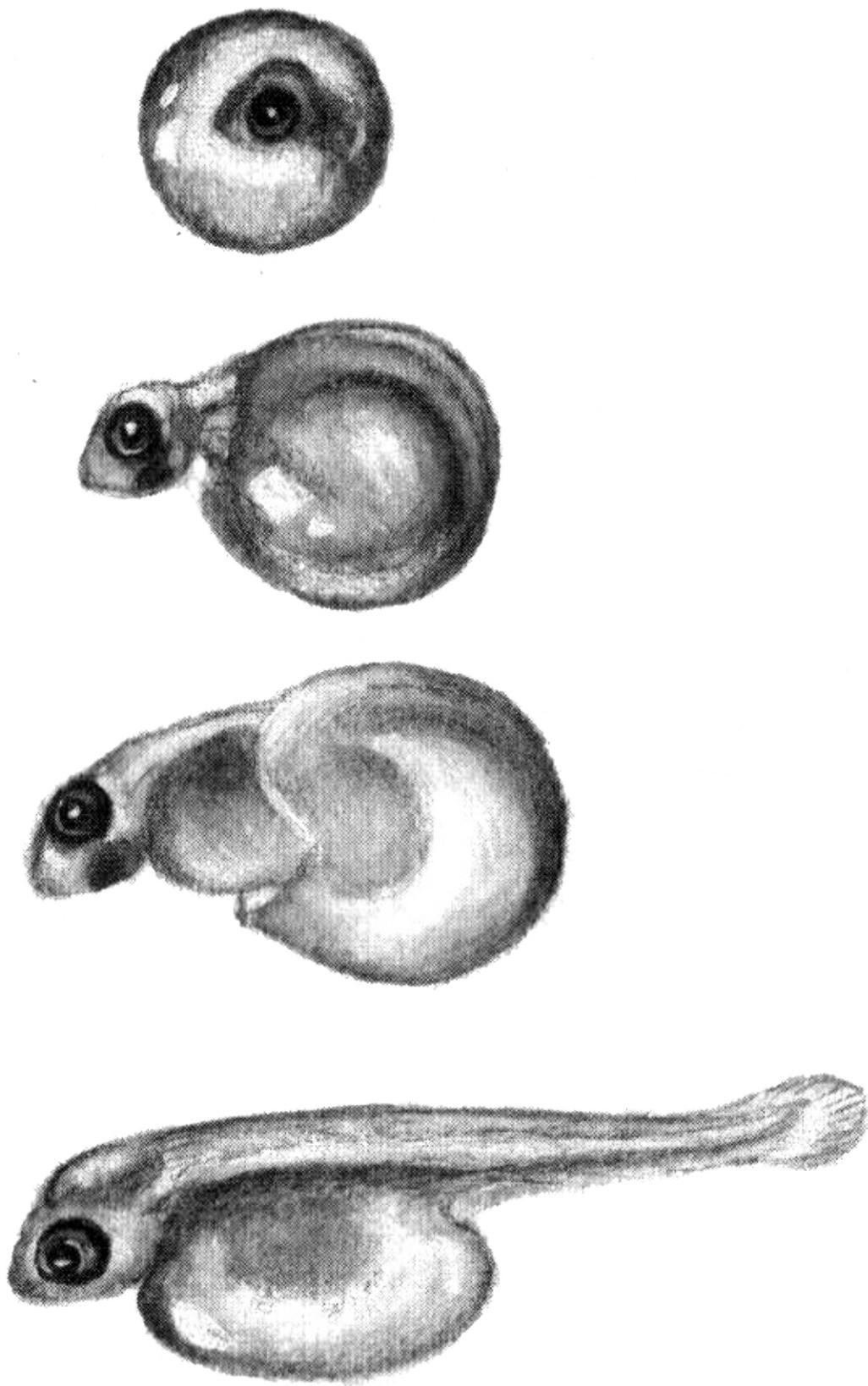
Крак! Сначала Тронд не смел шевельнуться, он был полон страха и ожидания. Его привычный мирок внезапно начал рушиться!

Потом он осторожно высунул наружу мордочку и почувствовал, как на него хлынуло что-то прохладное и соленое. Это в икринку просочилась морская вода. Она проникала Тронду в рот и жаберные щели.

Мы, люди, дышим воздухом, потому что нашему организму необходимо вещество, которое называется кислородом. В воздухе много кислорода. Но он содержится и в воде, иначе там не могли бы жить рыбы и другие животные — ведь все живые существа нуждаются в кислороде.

Как только рыба раскрывает рот, он быстро наполняется водой. Тогда рыба закрывает рот, а воду выталкивает через щели по обеим сторонам головы. Щели эти прикрыты жаберными крышками. Под каждой крышкой можно увидеть красноватую бахрому, покрытую тончайшей пленкой, через которую всасывается кислород. Это жабры.

Наверное, тебе не раз приходилось видеть, как рыба внезапно останавливается в воде и начинает как бы «хлопать ушами», то раскрывая, то закрывая рот? Это она дышит. Разумеется, увидеть, как дышит треска-однодневка, совсем не легко — ведь она еще такая крошечная! Но какой бы крошечной она ни была, всё равно у нее уже есть настоящие жабры, как и у всякой порядочной рыбы.

Тронд почувствовал, как вода струится через его жаберные отверстия, и начал дышать. Сердце его забилось сильнее, и кровь быстрее побежала по телу. Это было замечательно! Тронд ощутил в себе поистине богатырскую силу и решительным движением снова высунул голову из икринки.

Он начал усиленно ворочаться и наконец несколько расширил отверстие. Теперь он высунулся еще дальше. Чего только не было кругом! Тронд от удивления разинул рот. Ах, как огромен мир! Пожалуй, можно даже вытянуться во весь рост...

И Тронд начал с новой силой выбираться из икринки. Особенно трудно было протащить толстое брюшко.

Наконец Тронд выскользнул наружу и очутился в море. Он плыл, слегка помахивая хвостиком. Прохладная вода нежно ласкала его тельце. Большие темные глаза Тронда оглядывали огромный, бесконечный мир, в котором ему открывалось так много нового и диковинного.

Кругом простиралась зеленая толща воды. Внизу проплывали рыбы, и повсюду было полным-полно тресковой икры. Некоторые икринки уже успели отделиться от остальных, другие же плавали в воде маленькими комочками. Тронд видел, как постепенно, с большим трудом выбирались из икринок его братья и сестры. Сначала они неподвижно лежали в воде, а затем, как и Тронд, начинали учиться плавать. Пустые оболочки икринок оседали на дно.

Блеск воды, изменчивая игра красок — всё это поразило Тронда. Он увидел плавающие водоросли и множество других диковинных вещей. Раньше он принимал всё это за узоры на оболочке икринки. Ему ведь и в голову не приходило, что когда-нибудь он увидит такие чудеса! До чего же это замечательно! Тронд никак не мог вдоволь насмотреться на всё, что его окружало.

Высоко над ним висел огромный огненный шар. Он пылал так ярко, что в воде было совсем светло. А внизу всё исчезало в непроглядном мраке.

Тронда уже не защищала плотная оболочка икринки. Он очутился в новом, непривычном мире. И в этом мире ему приходилось рассчитывать только на самого себя. Теперь он выучился свободно передвигаться в воде и почувствовал, что по-настоящему живет на свете.

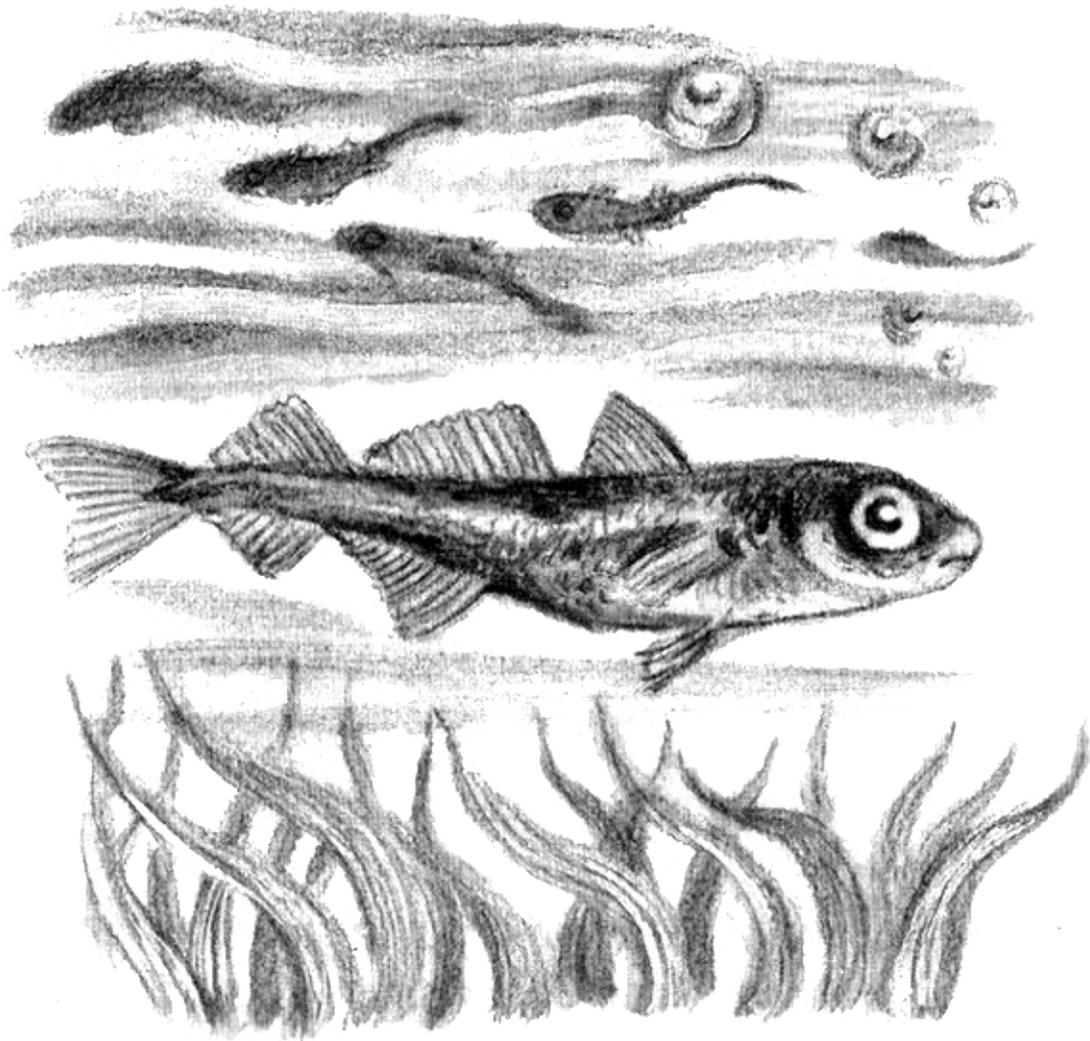
Если бы Тронд смог осмотреть себя, то обнаружил бы, что тело его прозрачно. Он заметил бы внутри себя маленький темный комок, который то расширялся, то, наоборот, сокращался. От этого комка отходило несколько тонких трубочек. Так Тронд «открыл» бы собственное сердце и кровеносные сосуды.

А еще он увидел бы два мешочка. Первый — это желудок, а второй, блестящий, словно перламутр, — плавательный пузырь. Был у Тронда и маленький кишечник, но только что вышедшие из икринки рыбешки кишечником не пользуются.

Тронда можно было сравнить с грудным ребенком — ведь он еще не умел самостоятельно добывать себе пищу. Но зато в его распоряжении был мешочек с едой. Да-да, хочешь — верь, хочешь — нет, а под брюшком у Тронда на самом деле висел мешочек с едой. Этот мешочек, запасами которого питается в первые дни своей жизни крохотная рыбешка, называется желточным мешочком.

Цыпленок в яйце тоже питается желтком. Но стоит только цыпленку вылупиться, как он уже в состоянии сам добывать себе пищу. А вот только что появившаяся на свет рыбка еще не умеет делать этого, и у нее нет ни папы, ни мамы, которые могли бы ей помочь. Тех запасов, что хранятся в желточном мешочке, хватит надолго, до тех пор, пока крошка не подрастет и не окрепнет. Рыбку с желточным мешочком называют личинкой. Когда будет израсходован желточный запас, мешочек исчезнет, словно втянется в брюшко. В этот день личинка сделается мальком — станет настоящей, пусть и крохотной, рыбкой.

Каждый вечер угасал большой огненный шар над головой Тронда, а в морской глубине становилось темно и жутко. Ночью Тронд плохо видел: треска немного близорука.

Впрочем, у Тронда ведь и не было никаких особых дел. Он попросту неподвижно лежал в воде и отдыхал, а течение несло его всё дальше, между тем как на море сползал темно-лиловый мрак. Вокруг Тронда мелькали черные тени. Течение пронесло его над песчаной отмелью, густо покрытой темными водорослями. Тронду показалось, что оттуда к нему тянутся чьи-то страшные щупальца. Он весь затрепетал от страха. Кто знает, какие опасности подстерегают маленькую треску!

Не так уж приятно в первый раз путешествовать на воле без всякой помощи. Тронду негде было спрятаться, и некому было его защитить.

Правда, у него было одно преимущество — он не мог утонуть и к тому же не нуждался в том, чтобы кто-нибудь штопал ему носочки. И всё же он еще так мало знал о жизни — ведь он жил всего лишь несколько дней!

Тронд чувствовал себя куда лучше, когда на небе появлялся огненный шар и разливал свой свет по морщинистой поверхности воды. Солнечные

блики плясали вокруг Тронда и расцвечивали мир яркими красками. Поутру веселые солнечные лучики прорезали водную гладь, и вода становилась прозрачной, словно кристалл. Лучики щекотали спинку Тронда, согревая его после ночной прохлады. И тогда Тронд становился более подвижным и бойко помахивал хвостиком. Хорошо, когда пригреет солнце!

Но бывали и такие дни, когда солнце не показывалось. Тогда становилось холодно и грустно. Тронд цепенел. Лежа неподвижно в воде, он почти всё время дремал. В такие пасмурные дни лишь немногим удавалось вылупиться из икринок: холод отнимал силы.

Иногда над головой Тронда раздавался странный шум. Казалось, в воду впадают тысячи иголок. Солнце исчезало в серых тучах — лил дождь! Вода становилась противной. Куда девались ее свежесть и замечательный соленый вкус! Тронд был недоволен. К тому же он заметил, что в такой воде гораздо труднее плыть. Поэтому, как только начинался дождь, Тронд спешил опуститься поглубже.

Маленький Тронд появился на свет зимой, в конце февраля, на песчаных отмелях у Лофотенских островов. Он тогда был еще икринкой. Вместе с миллиардами других тресковых икринок он медленно поплыл к северу. Икринки держались в воде на глубине одного-двух метров. На север их несло течение Гольфстрим.

Через две-три недели Тронд вылупился из икринки — это было всего в нескольких милях от нерестилища.

Тронд — личинка трески — был такой крошечный, да к тому же прозрачный, что многие даже не замечали его. В то время он еще не представлял себе, какие необыкновенные приключения его ожидают. Случалось, что голодные крачки с ярко-красными клювами и большие серо-белые чайки начинали охотиться за мелкой рыбешкой. Но Тронд и его соседи почти всегда держались на такой глубине, что их не так-то легко было заметить.

А случалось и так, что какой-нибудь рыбе вдруг приходило в голову полакомиться тресковой «детворой». Но Тронду везло — он благополучно пережил опасное время своего раннего детства.

Среди дрейфующих льдов Баренцева моря

Всю весну Тронд плыл вдоль берегов Норвегии. Течение Гольфстрим относило его к северо-востоку. Чем дальше на север, тем короче становились ночи. А потом наступил нескончаемый день. Над северной Норвегией сияло полярное солнце.

К лету Тронд и его друзья добрались до Баренцева моря и очутились к северу от Финмаркена. За это время Тронд успел вырасти, он стал большим и сильным. В длину он достигал нескольких сантиметров. Теперь Тронд походил на настоящую треску. Он уже не был прозрачным. У него появились зубы и развился кишечник. Мешочек с запасами пищи давно уже исчез, и теперь Тронд добывал себе пропитание самостоятельно. Из беспомощной личинки он превратился в удалого маленького пловца.

Часто наверху попадались целые тучи крошечных рачков. Тронд тотчас же набрасывался на них и ел с таким аппетитом, что на брюшке у него вскоре вздувалась огромная шишка. С наступлением лета этих рачков становилось всё больше и больше.

В море всегда плавают множество мельчайших растений. Эти растения бурно размножаются весной и летом, когда они начинают получать больше света и тепла. Тот, кому случалось летом бывать у моря, конечно, замечал, как вода порой мутнеет. Это значит, мелких растений становится так много, что они окрашивают воду в серо-зеленый цвет.

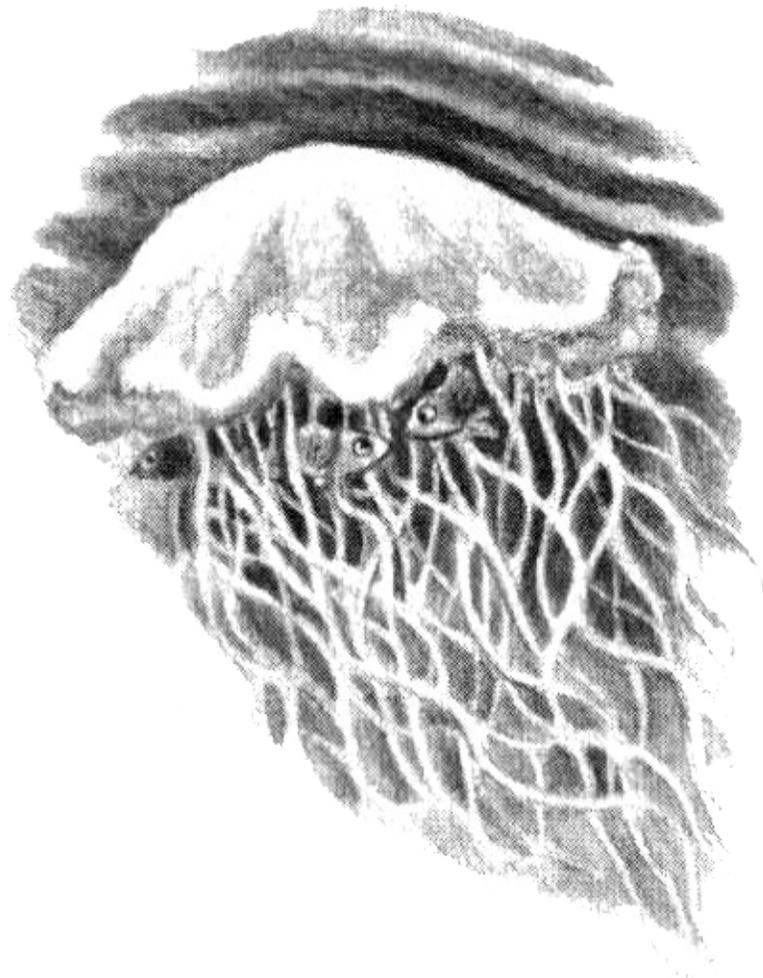
Этими-то растениями и питаются маленькие рачки, а сами они —

прекрасный корм для рыб и других обитателей моря. Когда рачкам перепадает больше пищи, они начинают быстро размножаться. Все эти крошечные растеньица и мелкие плавающие животные называются планктоном. Чем больше планктона, тем сытнее живет мелкой рыбе, особенно малькам.

Но среди обитателей моря встречаются и такие, которые были бы не прочь проглотить самого Тронда, — есть ведь всем нужно.

Тронд не умел передвигаться в воде с такой быстротой, как большие рыбы, и ему негде было укрыться, потому что он боялся прятаться в глубине.

Не раз приходилось ему улепетывать даже от своих голодных сородичей. Однажды он спасался от большой страшной рыбы и вдруг увидел перед собой какой-то странный желтоватый колпак. Колпак то сжимался, то разжимался медленными ленивыми движениями. Таким образом он и перемещался в воде. Колпак казался почти совсем прозрачным, с него свисали длинные нити, словно бахрома украшала края зонтика.

Конечно, вид у колпака был страшный, но ведь надо как-то сохранить себе жизнь. И Тронд юркнул под колпак. Он оказался в большой компании. Под колпаком кишели тресковые мальки: они тоже воспользовались медузой как укрытием.

— Скажи, здесь не опасно? — спросил Тронд у маленькой трески, которая только что заплыла под колпак и поздоровалась с Трондом.

Тронд всё еще немного побаивался.

— Опасно? Нет, что ты! — засмеялась рыбка. — Напротив, здесь самое надежное место в мире. Никто не может тронуть нас, когда мы под защитой медузы. Всякий, кто захочет на нас напасть, непременно обожжется об эту бахрому — о щупальца. Поэтому здесь мы в полной безопасности.

— Но, если так, мы, наверное, тоже можем обжечься? — спросил Тронд и от волнения даже взмахнул хвостиком.

— Нет, если будем осторожны. Напрасно ты так дрожишь. Всё это

очень интересно: щупальца покрыты крохотными пузырьками, а в пузырьках спрятаны спиральные нити с тонким острием. Всякий, кто коснется щупалец, обязательно обожжется. Ведь от прикосновения пузырьки лопаются, а спиральные нити выбрасываются наружу и больно ранят своим острием неосторожных рыб или других животных.

— А ожоги очень опасны? — спросил Тронд.

— Да, конечно, потому что в тело жертвы вводится яд, который парализует ее. Как только в этих нитях запутается маленькое животное, медуза пожирает его. Так что не зевай. Правда, нас, тресковых мальков, медуза стрекает не так уж часто, но все же никогда нельзя знать наверное...

Долгое время Тронд вместе со своими друзьями жил под этим странным стекловидным колпаком, который по-прежнему передвигался в воде неторопливыми толчками. Каждый день был похож на предыдущий как две капли воды — у самой поверхности моря не увидишь ничего особенного.

От других мальков Тронд слышал, что много занимательного можно повидать у песчаных отмелей, которые тянутся вдоль побережья. Однако он был еще слишком мал, чтобы пуститься в такое далекое путешествие.

Собственно говоря, ему совсем неплохо жилось под колпаком. Там всегда было вдоволь еды — кто только не обжигался о нити медузы! Не покидая своего надежного убежища, Тронд постоянно упражнялся в плавании. С каждым днем он становился всё больше и сильнее.

Но когда ребенок становится взрослым, он не хочет вечно оставаться в детской. Жажда приключений взяла верх, и вскоре Тронд снова самостоятельно отправился в путь.

И вот он очутился на самом севере Норвежского моря, около Финмаркена. Воды Гольфстрима смешались с водами Северного Ледовитого океана. Вода была теперь не такой соленой, но куда более холодной.

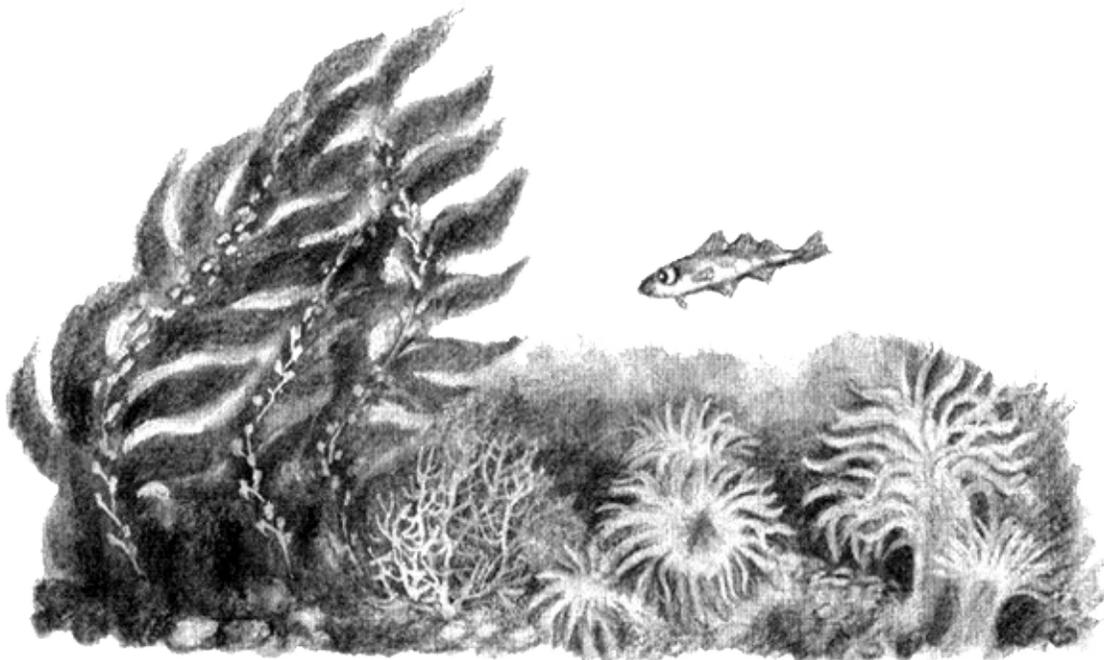
На поверхности плавало множество странных животных, и Тронд с любопытством разглядывал их. Белые или прозрачные, как стекло, они почти неподвижно лежали на воде и лишь слегка покачивались на волнах. От них исходила удивительная прохлада. Одни были величиной с рыбу, другие же — огромные и величественные. Но вид у них был совсем не страшный. Тронд отважился подплыть к одному из них и осторожно ткнулся в него мордочкой.

— Ух! — Тронд тут же отпрянул. Он прикоснулся к чему-то твердому, как камень. Так Тронд познакомился с дрейфующими льдинами.

Вскоре он сообразил, что льдин бояться нечего. Но ведь с ними нельзя

было разговаривать. «Наверно, это не совсем живые существа», — решил он.

Маленькую треску отнесло далеко на север, но в воде ей не было холодно — ведь стояло еще лето. Теперь никто уже не сравнил бы Тронда с грудным ребенком. Как у всякой порядочной рыбы, у него выросли отличные плавники на спине, под брюшком и по обе стороны груди. С их помощью он удерживал равновесие. К тому же грудные плавники служили ему рулями.

Кроме плавников, у Тронда было теперь и приспособление для плавания — плавательный пузырь. Этот пузырь — пожалуй, самое замечательное, что есть у рыб. Ты помнишь, что, когда Тронд был еще прозрачным, у него можно было рассмотреть продолговатый мешочек под позвоночником. А сейчас ты узнаешь, как пользуется плавательным пузырем взрослая рыба.

В плавательном пузыре находится газ, в состав которого входят азот, немного кислорода и углекислоты. Когда рыба хочет погрузиться глубже, часть этого газа всасывается кровью. Тогда плавательный пузырь становится меньше, и рыба опускается совсем как воздушный шар, если из него выпустить газ. Когда же рыба захочет снова подняться, ее кровь выделяет часть газа, и плавательный пузырь расширяется. Так рыба снова всплывает на поверхность.

Однажды Тронд опустился почти до самого дна и завел беседу с большими рыбами. «Теперь для тебя настало время отправиться к

побережью, — сказали рыбы. — Такой большой треске, с настоящим плавательным пузырем, не к лицу вечно торчать здесь, в открытом море».

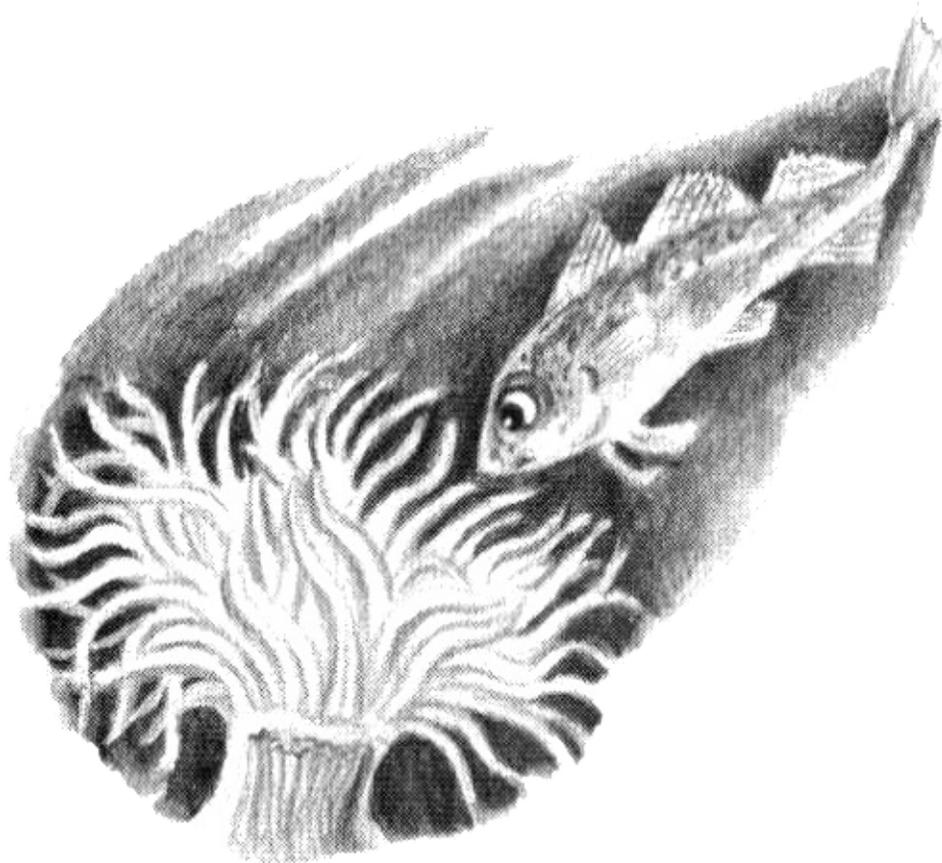
С этим Тронд был совершенно согласен. Жажда приключений давно уже не давала ему покоя, и он потихоньку готовился к путешествию. Внизу, у больших рыб, он увидел много нового и привлекательного и понял, как скучно жил до сих пор.

В морских глубинах вода была более соленой и гораздо более холодной, чем наверху. Откровенно говоря, это не очень нравилось Тронду. Его схватывало какое-то оцепенение, и он совершенно терял аппетит. И всё же здесь было необычайно интересно.

Внизу, под собой, он различал каменистое дно.

— На такой большой глубине почти ничего не растет, — пояснил ему старый налим-менёк.

— Но я вижу цветы! — возразил Тронд.

Он ясно различал стебелек, который поднимался с самого дна, и на нем — несколько красивых цветков.

— О нет, это не цветы, — сказал менёк. — Это полипы. То, что ты

принимая за растение, на самом деле — множество крошечных животных. Они сидят внутри чашечек и выставляют наружу лишь свои щупальца. А в щупальцах у них пузыри с крапивными нитями, совсем как у медузы. Поэтому мелким рыбешкам лучше не подплывать к ним близко.

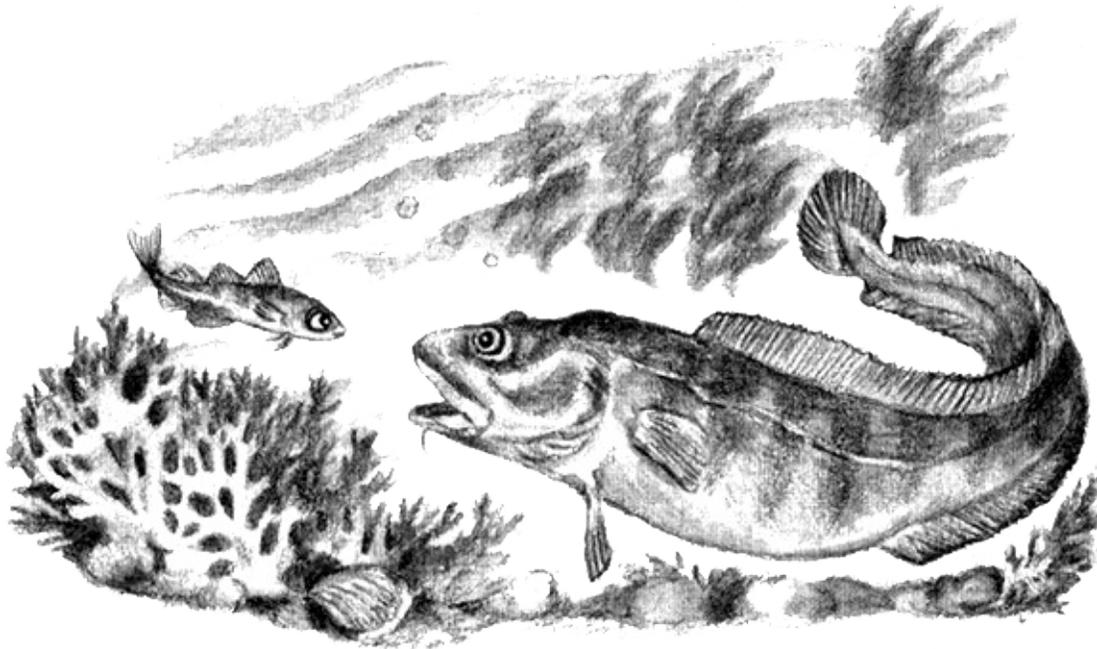
— Но мы не так глупы, — заметил Тронд.

Менёк даже замахал плавниками от возмущения.

— Видно, ты еще мало знаешь мир! — проговорил он. — Мелкие рыбешки не понимают, что полипы — опасные хищники, а то они старались бы держаться от них подальше.

— По-моему, это просто подлый обман, — сказал Тронд.

— Тебе легко так рассуждать, — ответил менёк. — Но тому, кто не может сдвинуться с места, приходится трудно. Если бы полипы не хватали подплывающих к ним простаков, они были бы обречены на гибель. А жить ведь всем хочется. Здесь, в море, у того, кто не умеет сам отыскивать пищу и бороться с опасностями, нет никакой надежды остаться в живых и вывести потомство. Если увидишь что-нибудь красивое, — продолжил менёк, — смотри, не дай себя обмануть. Многие рыбы были обмануты блеском и яркими красками и погибли. Помни об этом!

Менёк говорил так сердито, что Тронд в испуге попятился.

— Ну-ну, незачем так дрожать. Я вовсе не собирался тебя запугивать. Но я-то отлично знаю, что такие малыши, как ты, еще не успели набраться ума и редко обдумывают свои поступки. Всегда можно кое-чему научиться у старших, — добавил менёк и добродушно подтолкнул Тронда хвостовым

плавником. — Видишь вон там, внизу, светло-желтый цветок? Это не растение, а тоже особый полип, — менёк явно кичился своими познаниями. — А вон те фиолетовые...

— Где, где?

— Вон там, на камнях, толстые комочки и ветвистые пучки, — нетерпеливо продолжал менёк, — это водоросли, вот они — самые настоящие растения.

— Ну и чудеса! — взволнованно воскликнул Тронд.

Под ними проплыла вереница голубых огоньков. Казалось, кто-то несет маленькие горящие факелы.

— Не лучше ли мне убраться отсюда? — пугливо спросил Тронд у менька. Ведь менёк был так умен — он знал решительно всё на свете!

— Зачем же, можешь остаться здесь, — покровительственно ответил тот.

— Но ведь ты говорил, всё красивое опасно...

— Гм! гм!.. — Менёк явно смутился. — Конечно, не всё, что сверкает и блестит, опасно для тебя. Когда станешь старше и опытнее, узнаешь, чего следует бояться. А это всего лишь стая светящихся рачков-креветок.

— А-а-а-а, — протянул Тронд. Ему было немного стыдно. Он знал, что креветок ничуть не стоит бояться. — Но отчего же они все-таки светятся? — с любопытством спросил он.

— А вот отчего, — ответил менёк. — Креветки живут на такой глубине, где всегда темно, как ночью. Свет излучают их собственные тельца — ты только что видел это сам, — и они могут обходиться без солнца. Да, да, — самодовольно захихикал менёк, — мы, жители моря, отлично приноровились к здешним условиям.

— Но ты вот совсем не светишься? — возразил Тронд.

— Уж не принимаешь ли ты меня за такого простака, который станет околачиваться на самой глубине? — обиженно зафыркал менёк. Он явно был уязвлен замечанием Тронда. — Ведь мое семейство...

— Нет-нет, — поспешил ответить Тронд, — я ничего плохого о тебе не подумал. Но скажи мне, почему они обязательно должны видеть там, в глубине?

— Какой глупый вопрос! — ворчливо проговорил менёк. Он всё еще дулся на Тронда, который не оценил его по достоинству. — Ведь иначе они не смогли бы добывать себе корм. Неужели ты этого не знаешь, глупец!

— Ты, наверное, хочешь сказать — малец, — поправил Тронд.

— Да, да, конечно, хотя, в сущности, это одно и то же. — Меньку, видимо, показалось, что он обошелся с Трондом слишком сурово, и он

добавил уже гораздо приветливее: — А кроме того, когда креветки светятся, им легче не терять друг друга из виду. Это особенно важно, когда они ходят косяками.

— Косяками? — удивленно переспросил Тронд.

— Ты и про это ничего не знаешь? — Менёк даже испугался: он не представлял себе, что можно так мало знать. — Хотя верно, ты же треска, а тресковые мальки никогда не ходят косяками. Видишь, наверху что-то поблескивает? Вон сколько там сельди. Сельдь ходит большими стаями, иногда по многу тысяч штук. Такие стаи называются косяками. Это очень удобно — держаться вместе и помогать друг другу.

Однако многие рыбы привыкают ходить косяками и совсем теряют сообразительность. А ведь смекалка дана нам, рыбам, не зря, а для того, чтобы мы ею пользовались. Взять хотя бы этих селедок: они, наверное, даже не знают, чего хотят и куда плывут. — Менёк презрительно фыркнул. — А знаешь, что мне частенько приходилось видеть? — сказал он, приблизив свою голову к голове Тронда. Было ясно, что менёк говорит не без некоторого злорадства. — Иногда такой косяк вдруг изгибается и начинает кружиться в хороводе: передние догоняют задних, и вот у косяка уже нет ни начала, ни конца... Ха-ха-ха! — Менёк рассмеялся так громко, что даже его собственный спинной плавник начал хлопать его по спине. — Ведь глупые селедки давно уже утратили всякую смекалку, вот они и кружатся в воде до тех пор, пока на них не накинута хищная рыба. А иногда они попадают в сети и становятся добычей людей.

— Прости меня, но я не понимаю, о ком ты говоришь, — сказал Тронд удрученно. Иногда бывает трудно сообразить, чего хотят взрослые.

— Да ты, верно, еще и не слыхивал о людях, — вздохнул менёк. — Они живут не в море, а там, наверху, где нет воды. И, странное дело, они не тонут в море, хотя и живут на суше, окруженные воздухом, — добавил он, видя, что Тронд смотрит на него с недоверием. — Люди тоже хотят есть, а еды у них мало. Поэтому они забрасывают сети, чтобы поймать нас. Большею частью они ловят сельдь. Люди необычайно прожорливы и потому стараются вылавливать целые косяки. Впрочем, треска тоже ходит косяками зимой, когда самки намерены нереститься.

— Нереститься? — переспросил Тронд.

Менёк по-прежнему говорил загадками:

— Ну, метать икру, если тебе это понятнее. Ты еще успеешь об этом узнать, когда вырастешь. Но советую тебе быть начеку, как только заметишь в море большую сеть.

— Не надо забывать и об удочках, — произнес кто-то в темноте.

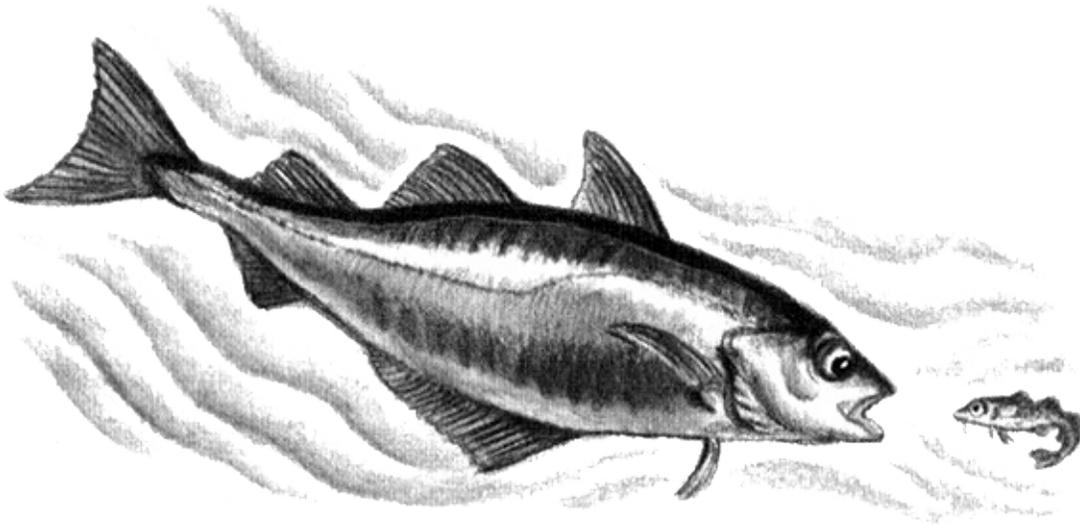
Из густой синевы вынырнула большая зеленовато-черная рыба с серебристым брюшком. Она подплыла ближе и так сильно ударила хвостом, что волна едва не отбросила в сторону маленького Тронда.

— Кто это? — спросил он шепотом.

Он ощутил некоторое беспокойство. Эта большая рыба была красивая, и потому...

— Меня зовут люр, — любезно сообщила рыба.

Она была так вежлива, что и половины этой вежливости было более чем достаточно. Люр приветливо помахивал грудными плавниками, желая показать, что он и в самом деле благовоспитанный представитель семейства тресковых.

— Я рад нашей встрече, — сказал люр и тут же перевернулся в воде, чтобы Тронд мог видеть его во всем великолепии. — Ведь мы с тобой родичи. Правда, я обычно живу в более южных краях, но временами заплываю и на север. Надо же следить за тем, что происходит на свете. А теперь я хочу дать своему юному родичу хороший совет, — продолжал люр. — Если ты внимательно поглядишь на мой рот, то поймешь, почему я вмешался в разговор. Да будет тебе известно: эта замечательная отметина — своего рода боевой орден. Я заработал его в борьбе с людьми...

— Как это ужасно! — сказал Тронд, полный сочувствия к люру, в губе которого торчал большой железный крючок. — Наверно, это очень, очень больно, — добавил он. — Или, может быть, вы считаете, что на боль не следует обращать внимания, раз это почетный знак? — Тронду казалось, что к такой благородной рыбе можно обращаться только на «вы».

— Ну знаешь ли, за такой почет можно дорого заплатить... —

проговорил люр.

— Но как же это случилось? — Тронд заинтересовался не на шутку.

— Что такое? Ах, ты про крючок... Видишь ли, люди, о которых менёк тебе рассказывал, спускают в воду длинные нити с крючками на конце. Эти хитрецы к тому же насаживают на крючки всякую мелочь: селёдочных мальков, улиток или еще что-нибудь вкусное. Если тебе захочется отведать этих лакомств, ты все-таки не хватай их, иначе повиснешь на крючке и люди вытащат тебя из воды. Я, как-никак, довольно сильная рыба, — сказал люр, скромно опустив глаза, — поэтому мне удалось оборвать крючок и уйти.

— Люди необычайно предусмотрительны: они забрасывают свои крючки по утрам, когда мы голодны, а также по вечерам, перед ужином, еще засветло, — заметил менёк.

Он считал, что и ему следует сказать свое слово.

— Выходит, поедать мелюзгу всегда опасно? — спросил Тронд.

Жить на свете оказалось гораздо труднее, чем он думал.

— Нет, только тогда, когда она висит на нитке, — ответил люр. — Нам, рыбам, надо уметь разбирать, что к чему. Видишь вон там косяк маленьких красновато-коричневых животных?

— У них крылья, как у чаек, что летают наверху, в воздухе, — ответил Тронд с удивлением.

— Да, так кажется на первый взгляд, — согласился люр. — Поэтому их называют крылоногими. Но то, что ты принимаешь за крылья, на самом деле просто крупные складки кожи, с помощью которых они передвигаются в воде. Крылоногие моллюски — отличная пища. Ими лакомятся не только рыбы, но и киты и морские птицы. У многих из них нет домика, в отличие от тех моллюсков, которых можно увидеть у берега и на дне моря. Кстати, я не советую тебе поедать улиток со дна, потому что от них может разболеться живот.

— Не следует ли мне также остерегаться чаек? — спросил Тронд.

— Нет, чаек тебе нечего особенно бояться, — ответил люр. — Они больше охотятся за сельдями. Но избегай подплывать к самой поверхности, когда крачки охотятся: это значит, они высматривают мальков трески... Ну, а теперь мне пора, у меня еще много дел, — с достоинством добавил люр. — Надеюсь, мы вскоре опять встретимся.

Он несколько раз сильно ударил по воде хвостом и исчез в морской глубине, словно серая тень.

— Может быть, и мне прогуляться туда же? — спросил Тронд у старого менька.

— Вряд ли тебе там понравится, — ответил менёк. — А впрочем, поступай как знаешь. На ошибках ведь тоже учатся.

Как и все малыши, Тронд не мог преодолеть любопытства. Он не стал зря терять время и на прощание помахал маленьку хвостом. Затем сжал свой плавательный пузырь и погрузился в черную глубину моря...

Внезапно с ним стало твориться нечто странное. По мере того как он погружался в море, вода всё сильнее сдавливала его тельце. Ему казалось, что его брюшко вот-вот лопнет, а глаза провалятся куда-то внутрь.

Нет, кажется, лучше снова подняться наверх!

— Что ты здесь делаешь? — внезапно послышался чей-то голос.

Тронд поспешно повернулся и начал озираться по сторонам.

Вокруг царила непроглядная тьма. К тому же Тронд, как и всякая треска, был близорук. Поэтому он не сразу разобрал, откуда доносится голос.

— Это вы, дяденька люр? — спросил Тронд дрожащим голосом.

Здесь, на дне моря, среди густого мрака, он совсем растерялся.

Ответа не было. Но, как только глаза Тронда привыкли к темноте, он увидел удивительную рыбу, которая выплыла из-за большого камня. Она была вся красная, с блестящей чешуей и колючими плавниками.

— Кто ты? — спросил Тронд.

Он впервые видел такую рыбу. «Всегда лучше узнать, с кем имеешь дело», — думал Тронд. К тому же у этой рыбы была настоящая зубастая пасть, как у всех морских хищников. Впрочем, рыба как будто была сыта и вовсе не собиралась проглотить Тронда.

— Меня называют красным окунем, — пояснила она, повернувшись к Тронду.

— Здравствуй, — вежливо сказал Тронд. — Я ни разу не встречал тебя у нас наверху.

— О да, я никогда не поднимаюсь наверх, — ответил красный окунь. — Я не переношу перемены в давлении воды.

— Давления воды? — Тронд ничего не понял.

— Мне думается, ты уже испытал его на себе, — сказал окунь.

— Так, значит, это оно сдавило меня со всех сторон? — спросил Тронд.

— Ну да. Ты, наверно, знаешь, что вода имеет немалый вес, который нелегко выдержать: Чем глубже ты опускаешься, тем больше над тобой воды и тем сильнее давление.

— Как же мне тебя жаль! Ведь тебе всегда приходится выдерживать это дав... дав... давление — так, кажется? Должно быть, трудно все время испытывать это ужасное давление, — заметил Тронд.

— Вовсе нет, я привык к нему, — возразил красный окунь. — Я же здесь родился. Если я поднимусь на поверхность, где нет такого сильного давления, мне будет казаться, что глаза вот-вот выпрыгнут у меня из орбит, а внутренности вылезут наружу. Я знаю об этом со слов моего дядюшки. Ему самому пришлось однажды испытать такое, когда он в последнюю секунду сорвался с крючка. А ты вот, пожалуй, не сможешь долго прожить здесь: как-никак, ведь ты всего-навсего треска.

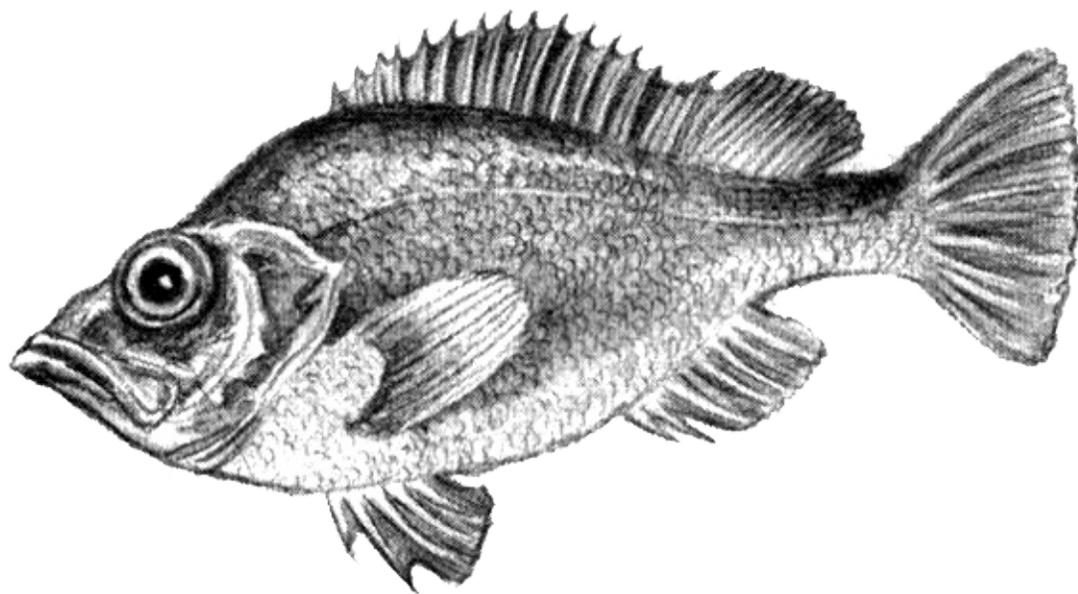
— А ты сам живешь здесь с тех пор, как был икринкой? — любопытно спросил Тронд.

— Я? — Красный окунь затрясся от смеха. При этом он проглотил изрядное количество воды. — Нет, мы, морские красные окуни, не появляемся на свет из икринок. Наши матери рожают нас живыми. Я знаю, так бывает лишь у немногих рыб, поэтому мы — редкостное семейство... Знаешь ли, мне сдается, что тебе уже пора наверх, у тебя такой бледный, измученный вид!

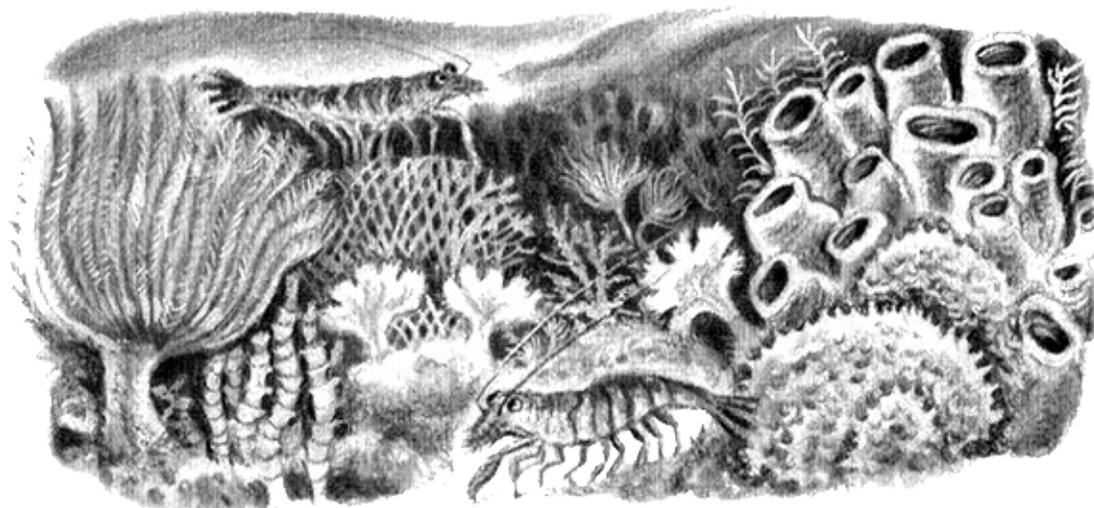
— Да, спасибо! — ответил Тронд и быстро поднялся к поверхности, где он чувствовал себя хорошо.

Обо всем, что ему довелось увидеть и услышать на дне моря, он

рассказал своим друзьям. После этого им так захотелось повидать свет, что они условились сразу же отправиться в путь.

В морском лесу

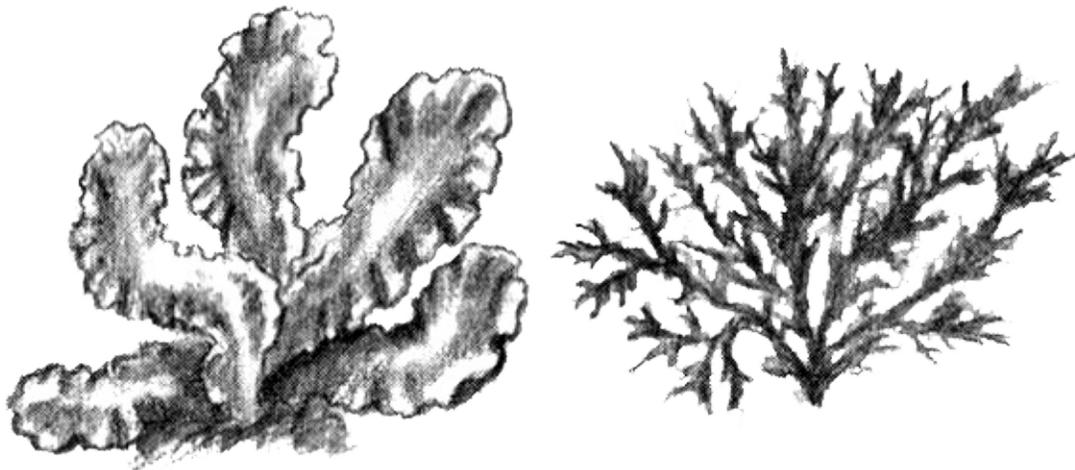
В самом конце лета Тронд вместе с тремя или четырьмя другими мальками двинулся в прибрежные воды. Путешествовать вместе было как-то спокойнее. Тронду и его друзьям предстояло проплыть большое расстояние по незнакомым водам, а одинокому страннику всегда угрожает опасность.

Путешествие заняло много времени, так как треска не принадлежит к числу быстроходных рыб. Обычно она передвигается в воде с такой же скоростью, с какой ходит по земле человек.

Когда мальки приблизились к норвежскому побережью, они опустили мордочки книзу и стали внимательно разглядывать серовато-желтые песчаные косы, илистые отмели и каменистое морское дно.

Под ними тянулись нескончаемые леса высоких бурых водорослей. Крупные кожистые листья, длинные ветвистые стебли отбрасывали на дно фантастические тени и исчезали в темном таинственном полумраке.

Ниже росли кудрявые красные водоросли. Они меньше бурых, зато красивее.

Растениям нужно больше света, чем животным, поэтому водоросли попадались только на глубине 15–20 метров. А еще глубже виднелись лишь скалы и глина с примесью песков. Песок состоял из мельчайших осколков раковин — остатков мертвых ракушек, улиток и других панцирных животных.

В морских зарослях и на лужайках между ними так и кипела жизнь. Тронд даже рот раскрыл от удивления.

На водорослях причудливым кружевным узором расположились маленькие губки и мшанки. Слово белые известковые трубочки, виднелись на поверхности листьев крошечные трубчатые черви. Серые креветки, прозрачные, как стекло, неторопливо перебирали всеми десятью ножками или резкими рывками пятились, распугивая при этом самых разнообразных рыбешек. Плавающие крабы с перепонкой на задних лапках, а также обыкновенные береговые крабы и морские черви сновали между водорослями в поисках пищи. Пучки крупных и средних мидий были прикреплены ко дну длинными нитями. Множество плоских моллюсков — блюдечек-пателл и улиток с круглыми или конусовидными раковинами — примостились на камнях и маленькими шершавыми языками слизывали с них зелень. А выше, между фукусами и морским салатом, колыхался пояс крошечных мидий — в отличие от наших отважных мальков, они еще не решались опускаться на дно слишком глубоко.

Вода и дно кишели тысячами всевозможных животных. Тронд обрадовался: здесь было чем поживиться.

Он начал с жадностью поедать всё, что ему попадалось. Ведь треска очень прожорлива и, когда кушает, забывает о хороших манерах. К тому же

Тронд был в том возрасте, когда рыба быстро растет и особенно нуждается в пище. А тут Тронд обнаружил множество лакомых блюд, каких он в жизни не пробовал. Разумеется, нужно было отведать всего.

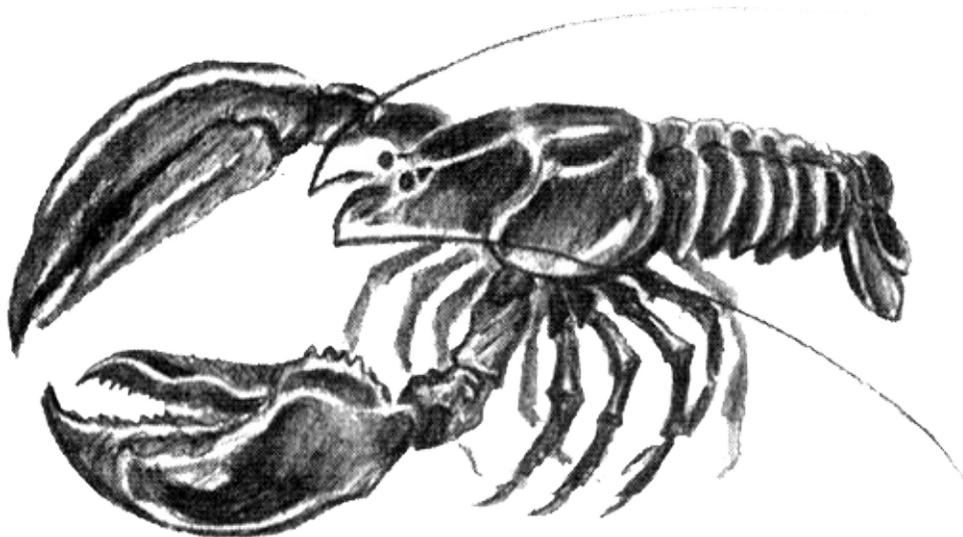
Тронд набил себе брюшко рачками, молоденькими красными морскими звездами и каракатицами. Каракатицы — любопытные маленькие существа. Спасаясь от преследователей, они выпускают в воду струю густой темной жидкости.

Круглый, как шар, морской еж медленно перекачивался на своих иголках и с аппетитом пожирал водоросли. Он по праву гордился своей яркой окраской. Его длинные иголки резво топорщились во все стороны, как колючки у репейника.

Тронд позабыл советы менька и сунулся было к морскому ежу.

— Ай! — Тронд тут же отпрянул. Он укололся об иголки и от боли даже завертел мордочкой.

Тронд метнулся прочь и чуть не запутался в водорослях, затем с трудом увернулся от огромного черного рака, который хотел схватить его своими острыми клешнями. Это был омар. Он сидел в засаде и высматривал подходящую добычу, чтобы пообедать.

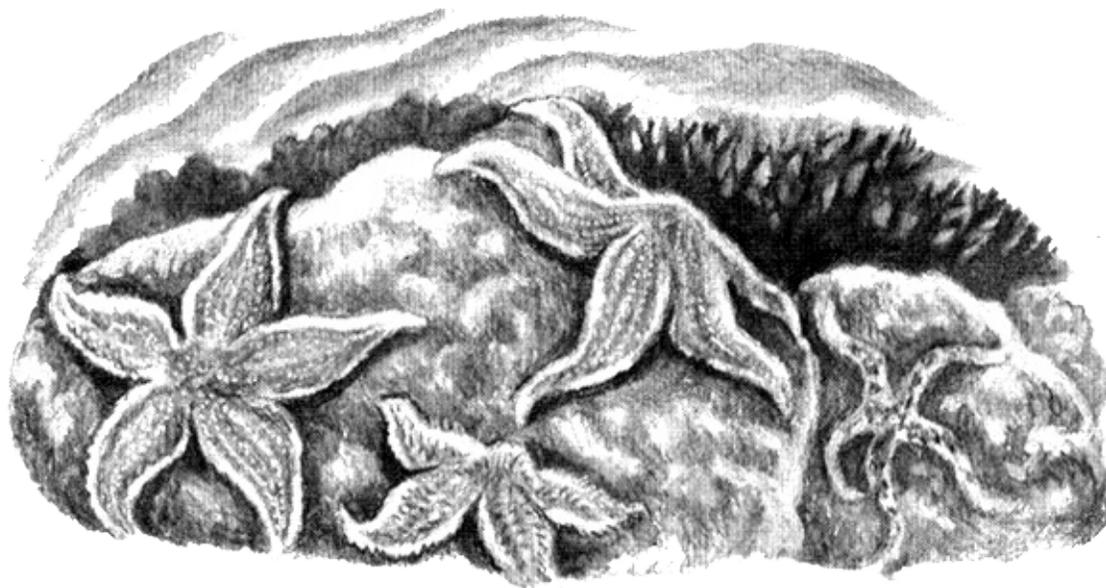
Тронд решил поскорее убраться из этого опасного места. По дороге он проглотил улитку и несколько рачков, а затем направился к песчаной отмели, которая издали казалась ему весьма привлекательной.

Здесь Тронд сразу же увидел несколько красивых морских звезд. Они были живые. Некоторые из них ползли по песку, отталкиваясь ножками, которым, казалось, не было числа.

Тронду раньше и в голову не приходило, что можно иметь столько ног. Многие из морских звезд были не больше улитки, другие — крупнее самого Тронда. Одни были золотистые, другие — красные или лиловые.

«Наверное, эти диковинные животные никому не причиняют зла», — подумал Тронд.

Но он ошибся: вот большая морская звезда подползла к ракушке и обхватила ее своими длинными лучами. И тут на глазах у Тронда за кипела борьба. На нижней стороне каждого луча у морской звезды множество нежных коротких трубочек, заканчивающихся присосочкой: это те самые «ножки», при помощи которых она ползает. Звезда плотно присосалась к обеим половинкам раковины моллюска и, распрямляя согнутые лучи, старалась раздвинуть створки раковины. Моллюск вскоре обессилел, и раковина раскрылась. Тогда морская звезда выпятила наружу свой желудок и, словно чехлом, прикрыла им жертву. Такова уж ее манера: если попадет крупная добыча, желудок звезды выпячивается наружу через рот.

«Невесело здесь, — подумал Тронд и снова повернул к густому поясу бурых водорослей. — А что, водоросли живые? — продолжал он размышлять. Ему казалось, что водоросли движутся. — Нет, право, здесь, на морском дне, немало чудес. Здесь никогда нельзя заранее знать, в какую передрыгу попадешь!»

Но водоросли и в самом деле шевелились... Когда Тронд пригляделся повнимательнее, он быстро сообразил, в чем дело. Здесь работал краб. Он отрывал клешнями куски водорослей, а затем прикреплял их к своему панцирю.

Если бы Тронд не видел этого собственными глазами, то он никогда бы не поверил, что в море можно встретить таких удивительных животных. Их называют «крабами-маскировщиками». Когда они замаскируются таким образом и неподвижно сидят на дне, обнаружить их невозможно. Мелкие животные, которых охотно поедают эти крабы, не замечают опасности и заплывают прямо в их страшные клешни. А большие рыбы, те, что сами не прочь полакомиться крабами, проплывают мимо, думая, что на дне просто валяется грудка водорослей.

Постепенно Тронд узнал, что большинство морских животных приспособились к окружающей обстановке. Поэтому и врагам, которые хотели бы их сожрать, и тем животным, которыми они сами не прочь полакомиться, не так-то легко их заметить. Одни животные окраской напоминают водоросли, другие сливаются с морским дном, третьи походят на серый песок. У рыб, как правило, темные спинки, но светлое брюшко: если смотреть на них снизу, из глубины, они едва различимы на светлом фоне верхнего слоя воды.

Всех перецеголяла камбала. Эта рыба то и дело изменяет свой вид и окраску — в зависимости от того, где она находится. Когда камбала лежит на песке, она становится серой и ее плоское туловище почти сливается с песчаным дном; когда же опускается на камень, то сразу становится темной, как этот камень, и обнаружить ее почти невозможно.

Тронд вскоре понял, что камбалы нечего бояться. Маленькая камбала ничем не отличается от всякой другой рыбы. Но когда она подрастает, то можно подумать, что кто-то нарочно сворачивает ей голову набок и оба глаза оказываются на одной стороне. Сплюснутая, с глазами на верхней стороне туловища, она едва заметна на морском дне. Питается камбала

почти одними моллюсками. Как только показывается крупная рыба или морж, которые не прочь полакомиться камбалой, она зарывается в песок.

В то же время Тронд узнал, что есть и такие животные, которым незачем прятаться, и даже такие, которые сами стремятся привлечь к себе внимание.

Во время своих ежедневных прогулок Тронд много раз замечал среди водорослей яркие цветы, похожие на астры. Эти цветы сверкали чудесными красками — пурпуровыми, желтовато-красными, коричневыми, белыми, голубовато-зелеными... Они были так хороши, что в один прекрасный день Тронд не вытерпел. Он снова позабыл совет менька и отважился понюхать один из цветков. Ну и обжег же он мордочку! Острая боль пронзила все тело и почти парализовала его.

Тогда он понял, что менёк был прав. «Остерегайся всего, что слишком красиво», — говорил он.

С большим трудом Тронд несколько раз ударил хвостом и еле-еле смог отплыть на безопасное расстояние. Но он успел заметить, как цветок протянул к нему свои отвратительные щупальца, а в середине венчика раскрылся огромный зев.

— Эге-ге, еще немного, и дело кончилось бы плохо, — произнес кто-то из гущи водорослей, и оттуда выскользнула большая змея. Она была зеленовато-желтая, а брюшко ее блестело, как металлическое. На груди у нее то и дело шевелились два маленьких плавника.

— Я вижу, ты восхищен моей внешностью, — сказала змея, потому что Тронд уставился на нее с удивлением. — А ведь я тоже рыба, хотя с первого взгляда этому трудно поверить. Просто я не так неуклюжа и безобразна, как вы все.

— Что вы, разве можно сравнить! — поспешно согласился Тронд: как знать, что это за существо, а Тронду в последнее время сильно не везло на знакомства.

— Меня зовут угорь, — сказала змея и вкрадчиво изогнулась всем телом. — Я немного посмеялся над тобой, но вовсе не хотел обидеть. Просто ты показался мне таким забавным, когда обжегся о морскую анемону.

— Значит, это все-таки не цветок? — спросил Тронд.

По всему его телу прошла дрожь. Он вспомнил, что был на краю гибели.

— Конечно, нет, — ответил угорь. — Но анемоне очень хотелось, чтобы ты принял ее за цветок. Впрочем, ее настоящее имя — актиния.

— Она совсем как полипы, что живут глубже? — спросил Тронд.

— Да, совсем как полипы. Наружность многих морских животных обманчива, — ответил угорь. — Видишь, вон там, по камням и водорослям, ползают маленькие красные слизняки? К ним лучше не притрагиваться. Их

спина покрыта тоненькими выростами, а в них скрыты стрекательные батареи. Вот видишь, каковы эти малютки! Они-то могут щеголять своими чудовищными яркими красками без всякой опасности для себя; никто не станет их есть. Но следует всё же быть скромным и не похваляться своей вызывающей окраской, — проговорил угорь с некоторой завистью. — Выросты заменяют жабры, а потому таких улиток называют голожаберниками. Улитки поедают мелких полипов. Но у полипов ведь есть стрекательные пузырьки. Их-то и накапливает улитка в своих спинных выростах, куда выходят отростки печени. Схватишь улитку — и острекаешься... Хи-хи-хи... — неожиданно засмеялся угорь и даже свернулся от удовольствия в кольцо. — Конечно, улитки — неплохая пища, хотя они и прячутся в свои раковины. Но ведь надо иметь голову на плечах. Вчера мне довелось видеть, как один из твоих друзей порезал себе рот, пытаясь проглотить рачка из семейства крылатых ангелов, как их иногда называют.

— Я не слышал ни о каких ангелах, — сказал Тронд. Он был немного сердит на угря — ведь тот посмеялся над его приятелем.

— Ладно, перестань дуться, — сказал угорь, сиюсь принять серьезный вид. — Я вообще очень смешлив. Конечно, нельзя требовать, чтобы молодая рыбешка знала всё на свете. Там, над водорослями, можно увидеть множество крошечных известковых домиков, внутри которых

сидят маленькие рачки. Они шевелят ножками и захватывают пищу вместе со свежей водой, которая необходима им, чтобы дышать. Эти рачки плотно прикреплены к камням, понятно тебе? Твой приятель попытался... хи-хи-хи!.. схватить одного рачка, но, конечно, не смог оторвать его и только порезался... хи-хи-хи!..

— Однако морские анемоны, должно быть, куда опаснее, — поспешно проговорил Тронд, чтобы перевести разговор на другую тему. — Они-то, наверное, ни к чему не прикреплены... Смотрите, вон одна из них...

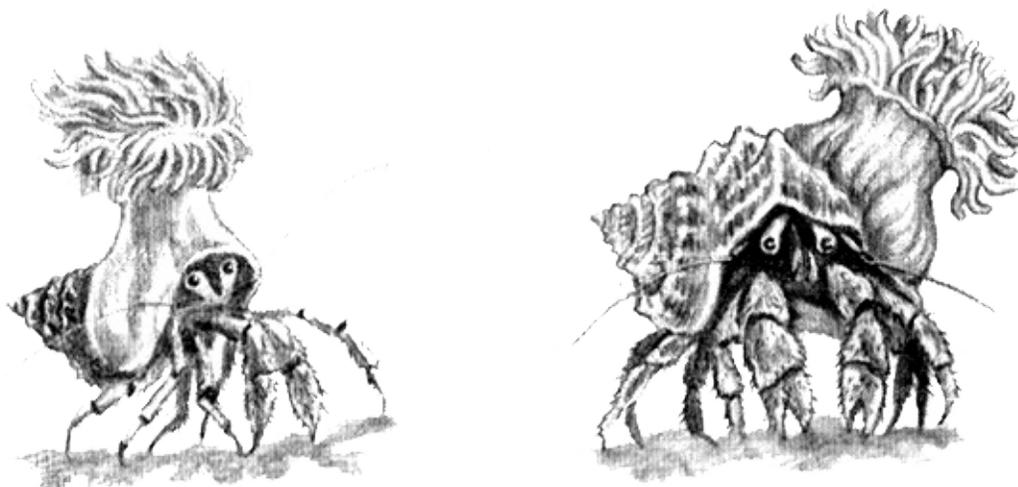
— Да нет, это ползет не сама актиния, — сказал угорь. — Присмотрись-ка получше, и ты увидишь забавное зрелище.

Тронд нырнул и осторожно поплыл навстречу актинии.

На этот раз он твердо решил быть осмотрительнее.

Вот что он увидел.

Актиния восседала на улиточном домике, который медленно передвигался по морскому дну. Но в домике сидела на улитка, а рак! Нет, никогда еще Тронд не видел такого забавного зрелища!

Тронд поспешил обратно к угрю, чтобы спросить, не померещилось ли ему все это.

— Нет, — ответил угорь, — тебе еще не раз придется встретить таких раков-отшельников. Их прозвали так потому, что каждый живет в своем домике один. Рак занимает жилище мертвой улитки. Он вынужден поселиться в таком домике потому, что его мягкое туловище не защищено твердым панцирем. По мере того, как он растет, ему приходится отыскивать все более просторные домики. Время от времени он переселяется на новую квартиру — ведь на морском дне сколько угодно пустых раковин. Таким образом, он как бы по нескольку раз «меняет штаны».

— Но почему же на домике сидит актиния?

— Сейчас дойдем и до этого, — сказал угорь. — Рак-отшельник — излюбленное лакомство для многих обитателей моря. Раковина улитки — не очень надежное укрытие, нужно защищать себя и по-другому. Поэтому он берет актинию и сажает ее на крышу своего домика — не в виде украшения, а потому, что стрекательные клетки актинии служат ему прекрасной защитой.

— И актиния соглашается на это? — озадаченно спросил Тронд.

— Ну конечно, ее это вполне устраивает: ведь рак доставит ее в другое место, где гораздо больше пищи, — ответил угорь.

— Ну а... — протянул Тронд. — Ну а когда рак «меняет штаны»?

— Тогда он пересаживает актинию на свой новый домик.

— А она не может свалиться? — продолжал расспрашивать Тронд.

— Нет, актиния прочно присасывается своей подошвой: она сидит на домике как приклеенная, — пояснил угорь.

— Да, конечно, я был неосторожен, когда вздумал приблизиться к актинии, — сказал Тронд. — Однако еще совсем маленьким я знал животное с такой же крапивной бахромой и, представьте, ни разу не обжегся.

— Это, наверно, была медуза, — сказал угорь. — Ты видел когда-нибудь, как она растет? Нет? Ну, так следуй за мной, я сейчас покажу тебе!

На волнах лениво покачивались большие коричневые водоросли. Тронд и угорь поплыли к ним.

Водоросли были густо усеяны маленькими серовато-белыми кружочками. Многие из этих кружочков росли вверх, образуя слоистые столбики. Больше всего они походили на груды крохотных тарелочек.

— Замечательно! — взволнованно прошептал Тронд.

Он увидел, как время от времени верхние тарелочки отрываются и уплывают прочь.

— Неужели они превратятся в настоящих больших медуз? — удивленно спросил он.

— Да, они станут точь-в-точь такими, как та медуза, под которой прятался ты, когда был маленьким, — ответил угорь.

— Как много ты знаешь! — с восхищением сказал Тронд.

— Что ж, я ведь успел повидать свет, — заметил угорь и стал извиваться в воде так, что его длинное туловище засверкало.

— А не был ли ты в Балтийском море? — спросил Тронд.

— Я побывал гораздо дальше, — с гордостью ответил угорь. — Родился я далеко-далеко отсюда, в глубинах Атлантического океана, близ

Вест-Индии, пять лет назад. Я вылупился из икринки ранней весной. В первое время я был крошечным, прозрачным и плоским, как листик. Когда миновало лето, я поднялся к поверхности, и Гольфстрим понес меня к берегам Норвегии.

— А далеко ли отсюда до Вест-Индии? — поинтересовался Тронд.

— Гораздо дальше, чем ты думаешь, — ответил угорь. — Но, может быть, ты поймешь, как это далеко, если я скажу, что плыл оттуда до Норвегии почти три года. Подплывая к берегу, я уже был красивым и стройным, как и подобает угрю в этом возрасте. А на следующий год я стал «стеклянным угрем», как принято говорить. Затем я плыл вдоль побережья и стал желтым угрем. Питался я маленькими рачками и другими вкусными кушаньями и жил припеваючи. Теперь я уже не стеклянный и не желтый, а черный, блестящий угорь. Вскоре я снова отправляюсь в Атлантический океан, чтобы метать икру на том же месте, где я появился на свет. Видишь, какой я теперь гладкий и жирный, да к тому же весь отливаю серебром. Мордочка у меня вытянулась, и это помогает мне быстрее скользить в воде. А я обязательно должен плавать быстро: ведь мне предстоит долгий путь.

— И все угри живут так же, как ты? — спросил Тронд.

— Нет, не все, — ответил его собеседник. — Угри некоторых видов поднимаются вверх по рекам во внутренние озера. Но многочисленные пороги затрудняют доступ в эти озера, поэтому многие остаются в море. У берегов для нас вдоволь корма. А летом мы греемся в лучах солнца на прибрежных илистых отмелях. Мы, угри, любим тепло.

— Если так, то тебе, должно быть, не очень-то нравится зима? — спросил Тронд.

— Нет, почему же, ведь мы, рыбы, переносим холод лучше животных, тех, что разгуливают там, по земле. Но, когда становится очень холодно, я зарываюсь в какой-нибудь илистый бугор и устраиваюсь на зимнюю спячку: Я всегда выбираю местечко подальше от поверхности, иначе недолго и замерзнуть. Ведь зимой у побережья вода покрывается ледяной коркой. Ух, нет, все же лучше, когда в воде тепло, — сказал угорь, и по его туловищу прошла дрожь. — Впрочем, как правило, мне живется хорошо, надо лишь не терять голову и глядеть в оба...

— Кого же ты остерегаешься? Уж не людей ли?

— Да, и людей. Плавают они скверно и синеют от холода, стоит им хоть немножко побыть в воде, — с презрением проговорил угорь. — Зато они очень умны. Люди опускают на дно моря большие круглые корзины и ловят ими угрей. Они называют их вершами. И если какой-нибудь глупый

угорь позволит заманить себя в такую ловушку, то выбраться оттуда уже довольно трудно. Впрочем, эти глупцы часто даже не пытаются выбраться на волю. Дело в том, что люди кладут в корзину много отличного корма и глупые угри забывают обо всем на свете, коль скоро представляется случай набить брюхо.

— А треску люди не пытаются ловить такими корзинами? — Тронд продолжал задавать один вопрос за другим, ведь угорь так охотно отвечал ему.

— Не совсем такими, — сказал угорь. — Для трески у них есть несколько иные ловушки. Вас ведь незачем завлекать такой обильной приманкой, как угрей. Конечно, я не намерен хвастаться, но мы, угри, всё же другое дело. Мы славимся своей изворотливостью и ловкостью, к тому же мы очень умны...

— Но все-таки некоторые из вас попадают в ловушки? — с невинным видом заметил Тронд.

— Однако наш разговор затянулся, — ответил угорь и куда-то очень заторопился. Было ясно, что последнее замечание Тронда пришлось ему не по вкусу. — Надеюсь, что ты сумел кое-что извлечь из нашей беседы. Впрочем, тебе пора жить своим умом. Ты уже совсем большой, у тебя даже вырос усик на подбородке. Ну, гуд бай, — сказал угорь: он умел говорить по-английски — ведь он побывал во многих странах и повидал свет.

Угорь сделал в воде несколько кругов, и его длинное блестящее туловище засверкало серебром.

Затем он всё с тем же изяществом скользнул между водорослями и исчез.

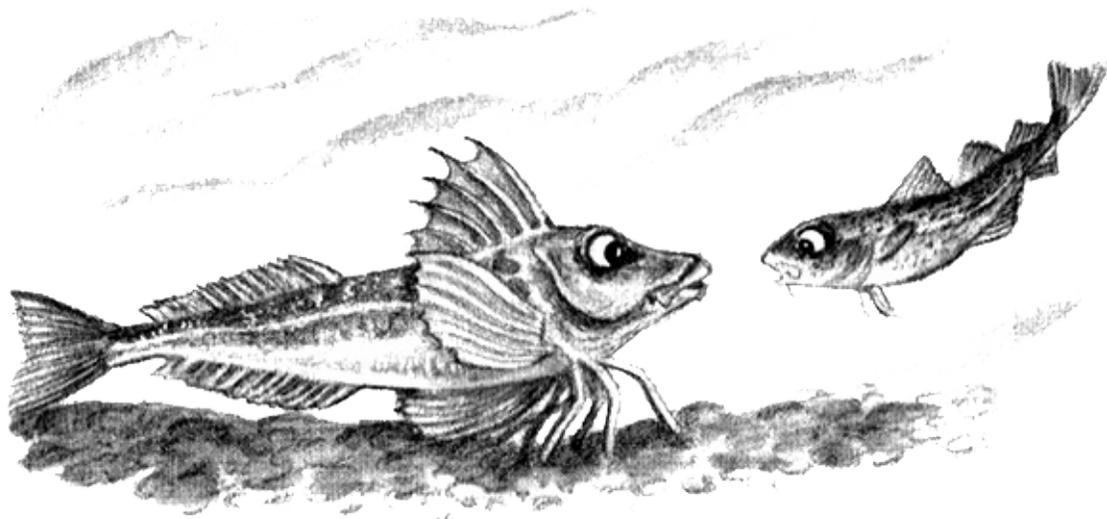
А Тронд тем временем пытался взглянуть на свой подбородок.

В самом деле, с его подбородка свисал книзу маленький усик. Тронд сделал в воде большой круг от радости, что так сильно вырос и что у него появился настоящий красивый усик.

Тронд увлекся разглядыванием своего нового украшения и не замечал, как к нему с угрожающей быстротой приближалась какая-то сверкающая серебром торпеда.

К счастью, он всё же вовремя обратил на нее внимание. Мгновенно повернувшись, он нырнул. За ним по пятам гнался тюлень. Маленькое сердечко Тронда колотилось от страха. Он заметил, что расстояние между ним и его преследователем всё сокращается.

Как быть? Разве уйдешь от такого огромного животного?!

Тронд из последних сил опускался всё глубже и глубже, прямо на пустынное морское дно. Вскоре давление громадных масс воды стало невыносимым.

— Куда это ты так спешишь? — спросила старая тригла, которая прогуливалась по дну на своих продолговатых грудных плавниках. Со стороны казалось, что она ходит на длинных пальцах. — Никто за тобой не гонится, насколько я могу судить, — сказала она.

Тронд резко остановился, испуганно взглянул вверх и увидел, что тюлень уже прекратил погоню.

— Тьфу! Неужели ты так улепетывал от этой сухопутной крысы? — Старая, выдавшая виды глубоководная тригла была поражена до глубины души.

— Но ведь он гнался за мной, — сказал Тронд. Он запыхался и усиленно хлопал жаберными крылышками. Его немного злило, что тригла считает его трусом.

Но та продолжала насмехаться.

— Подумать только: примчался сюда, на самое дно, только потому, что какой-то глупый неуклюжий тюлененок захотел трески на обед! — сказала она. — У тебя же есть хвост, с помощью которого легко плыть. А ты мчался так, словно за тобой гналась косатка!

Да, к счастью, это был лишь тюлененок. Будь это взрослый тюлень, Тронду пришлось бы плохо.

Дело в том, что тюлени, несмотря на толстое, неуклюжее туловище, плавают невероятно быстро.

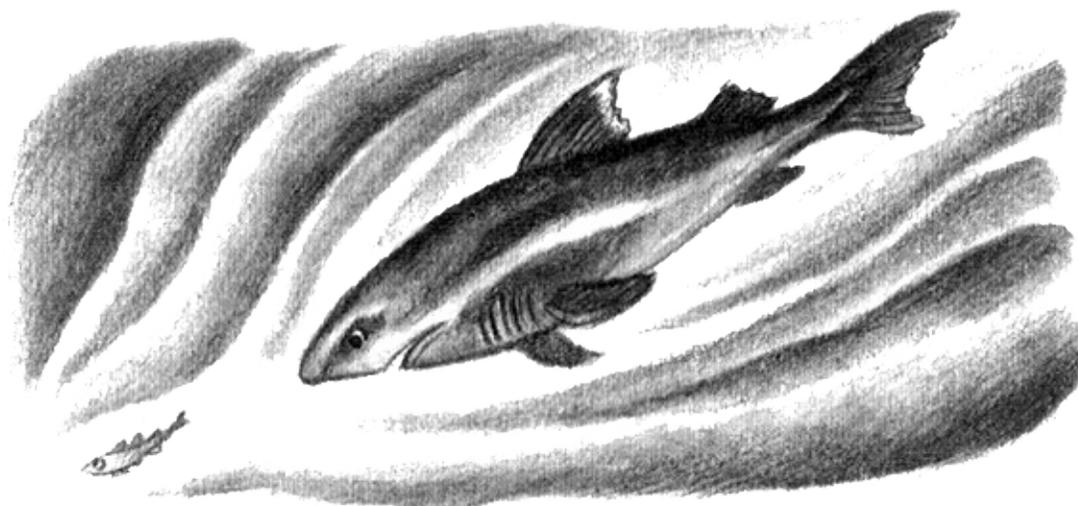
Хотя они и млекопитающие, но в умении плавать не уступают рыбам.

Разумеется, у них нет плавательного пузыря.

Но, когда они охотятся за рыбой в глубоких водах, они выпускают воздух, опорожняя легкие точно так же, как рыбы — свой плавательный пузырь. Благодаря этому тюлени могут нырять на глубину до ста метров.

Однако треска, в отличие от тюленя, способна переносить давление на глубине в несколько сот метров. Поэтому Тронду и удалось спастись.

Тронд спасается от косаток

Всю зиму Тронд держался у берегов Северной Норвегии.

С каждым днем солнце опускалось всё ниже, ниже и наконец исчезло совсем. Наступила полная темнота.

Находить пищу стало теперь нелегким делом. Да и не так уж много было ее в это тоскливое время — ведь и растениям, и животным необходимы свет и тепло.

Удивительные вещи увидел Тронд. Много нового и поучительного довелось ему узнать. Но всё же он с тоской вспоминал те дни, когда солнышко ласково пригревало и вода была зеленой и прозрачной, как кристалл. Словно в сказке, сквозь нее просвечивало морское дно с его волшебными красками и бесчисленными чудесами.

Тогда Тронд не чувствовал себя одиноким. А теперь он едва мог разглядеть своих товарищей, как, впрочем, и других животных. Уютные заросли, в которых он раньше искал убежища, были еле видны, и, когда Тронд плавал вокруг в поисках пищи, они казались зловещими призраками. На водорослях уже не было листьев — в море, как и на суше, бывает свой листопад. Теперь Тронд уже не ощущал прежней неразрывной связи с окружавшим его миром.

Тем не менее он не так уж плохо прожил это мрачное время, поедая мелких рыбешек, креветок и всё, что только ему попадалось.

На пурпурных улиток было приятно смотреть; они обычно держались

у самой поверхности моря. Иногда Тронд питался улитками и крошечными крабами, а временами ему попадались светло-красные кладки — кучки яиц улиток. Прозрачные, как стекло, кладки выглядели на камнях и водорослях словно маленькие студенистые комочки: глотать их было противно.

Тронду не раз пришлось убедиться в том, что многие обитатели моря были бы не прочь съесть его самого. К своим заклятым врагам он причислял прежде всего крупных крабов — коричневых, с широким панцирем — и других огромных крабов, с иглами по всему телу. Они лежали на дне и шевелили клешнями, похожими на громадные щипцы. Случалось, что Тронд слишком близко подплывал к страшным каракатицам, которые подстерегали его на дне, чтобы схватить длинными отворотительными щупальцами.

Были у Тронда и другие неприятности. Целые стада маленьких рачков — «рыбьих вшей» — и зеленовато-желтые морские пиявки прилипали к нему и упорно, словно комары, сосали кровь.

Однажды он чуть не угодил в пасть к акуле. Но, к счастью, акулы вообще плавают довольно скверно, так как у них нет плавательного пузыря. Акула устремилась на Тронда с разинутой пастью, но он сумел вовремя увернуться.

После этого Тронд стал гораздо осторожнее. Впрочем, вскоре наступила весна и снова стало легче избегать опасностей.

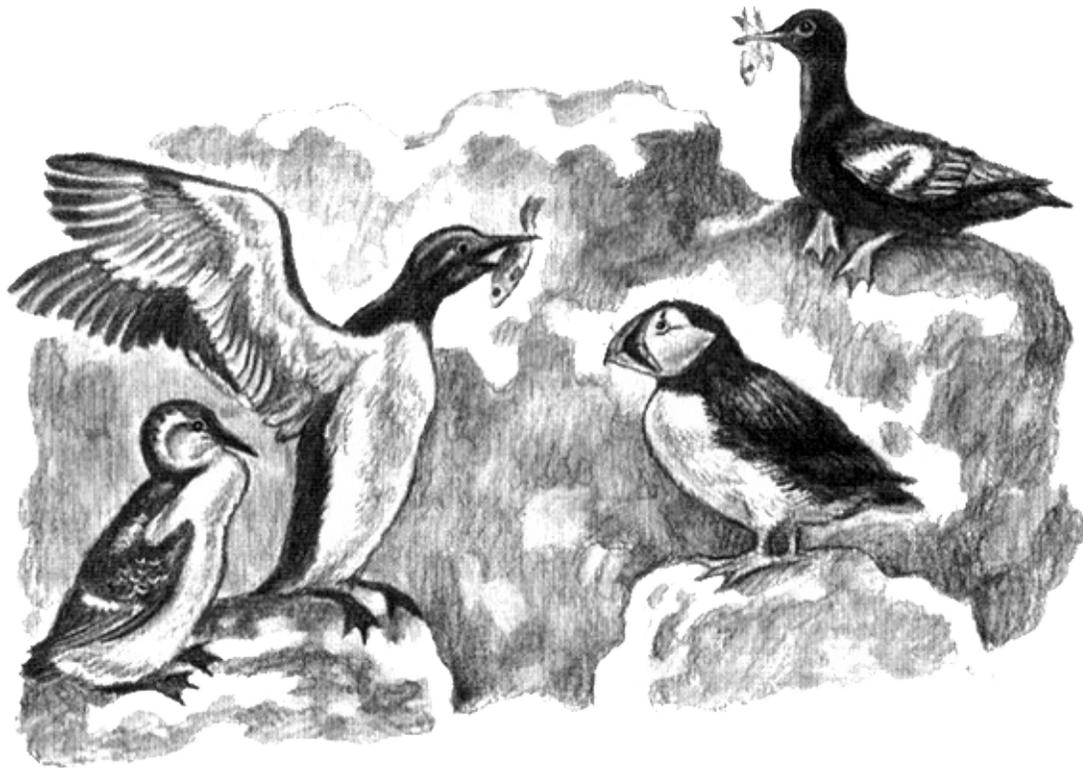
В середине дня бледный голубовато-серый свет вяло освещал верхние слои воды всего на какой-нибудь час, но мало-помалу свет проникал всё дальше и дальше в глубину, рассеивал холодный зимний мрак и отгонял его вниз, на самое дно. Казалось, водоросли приветствовали солнце. Они протягивали ветвистые руки навстречу его лучам и радовались возвращению весны.

Рыбы плескались у самой поверхности воды, подставляя солнцу свои спины. Икринки плыли по течению на север. Солнечное тепло согревало их, и вскоре из них выходили мальки. Жизнь снова стала прекрасной!

Вдоль побережья густыми косяками шла на розыски пищи серебристая мелкая сельдь. Над нею с криком кружили чайки и крачки — время от времени они выхватывали из воды очередную жертву.

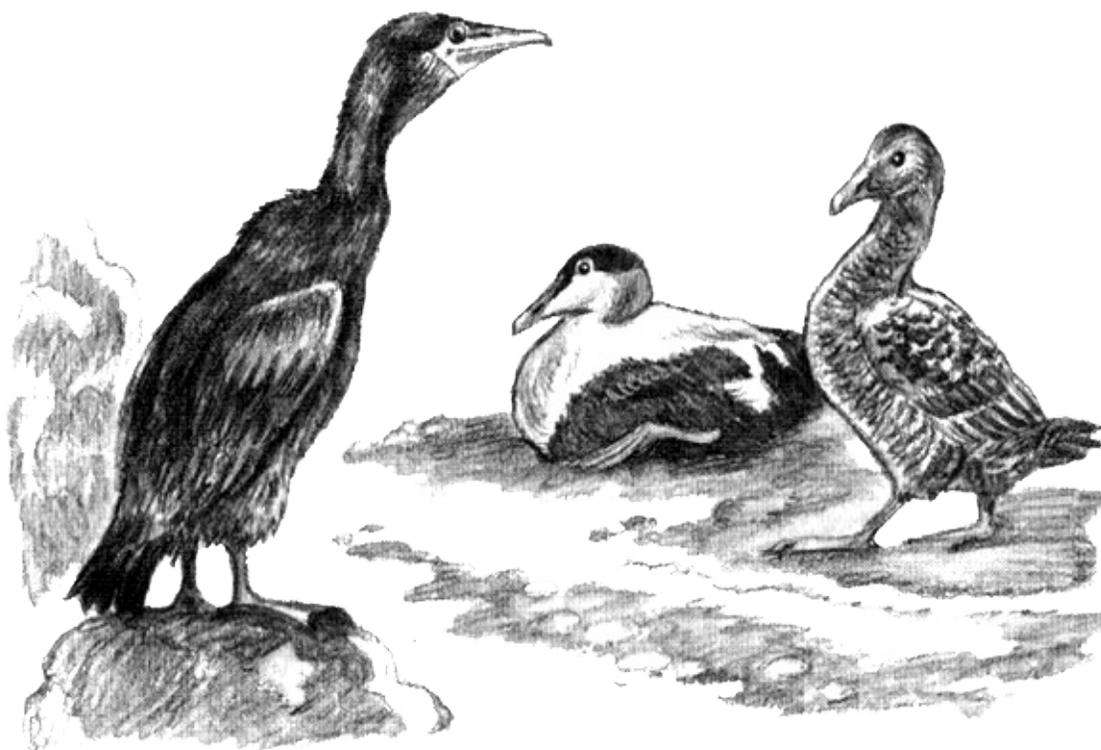
— Ээ!.. Ээ!.. — пронзительно кричали птицы.

Они внезапно устремлялись вниз головой в воду, но тотчас же снова взвивались вверх, держа в клюве трепещущую и сверкающую серебром сельдь.

На берегу стоял оглушительный гомон: сюда слетались морские птицы всех видов и пород. Кайра-самец и кайра-самка с бурыми полосками на черных крыльях охотились вместе. Из нор выходили тупики, ныряли в море и хватали рыбу большими оранжевыми клювами. Черный баклан с длинным-предлинным клювом плавал, энергично двигая в воде ногами и сильными крыльями. Во время охоты он мог удивительно долго оставаться под водой. А чистик, нарядный в своем праздничном фраке, нырял на глубину в несколько метров. Когда в море бывало много рыбы, он так набивал себе брюхо, что уже не мог подняться в воздух. Отсюда пошло выражение «Сыт, как чистик».

У Тронда хватало ума держаться подальше, когда вблизи раздавались птичьи крики и шелест крыльев и на море ложились колеблющиеся тени пернатых. Птицы стрелой вонзались в воду, чтобы раздобыть на обед какую-нибудь рыбку. Тронд знал, что гага для него ничуть не опасна, хотя она и отлично ныряет. Гага питается только моллюсками, крабами, морскими звездами и подобными им животными. А вот необычайно ловкая серовато-бурая птица, которую все называли вором, выхватывала добычу прямо из клюва других птиц.

Иногда Тронд и его сородичи охотились за мелкими сельдями. Они так набивали брюшко, что оно раздувалось и грозило лопнуть.

Ранней весной, в марте, Тронду впервые довелось увидеть, как треска ходит косяками.

Огромная масса мелкой рыбки из породы корюшковых, называемая мойвой, шла из Северного Ледовитого океана метать икру. Самцы мойвы имеют на боках характерные полоски, грани. Отсюда, наверно, пошло название таких самцов — гранка.

Мойва служила прекрасной пищей для трески. Море прямо-таки кишело треской, которая густыми косяками следовала за мойвой до самого нерестилища и наедалась до отвала.

Тронд никогда не думал, что на свете так много трески! С юга шла голодная крупная треска. Она только что кончила метать икру на песчаных отмелях у Лофотенских островов. А с севера шла треска помельче — трех-четырёхлетки, которые также спешили принять участие в пиршестве.

За мойвой без устали охотились другие рыбы и даже киты. Стаи морских птиц, как всегда, с громкими криками спускались на воду. Пищи хватало на всех.

Так неизменно повторяется каждую весну. Люди знают это и весной выходят на рыбную ловлю. Начинается второй по величине ежегодный лов

трески. Поскольку приманкой служит мойва, этот лов носит название «мойвенный лов».

С приближением весны в воде скапливалось всё больше планктона, в ней развелось множество рачков. За этими рачками неотступно следовали серовато-черные киты. Они разевали пасть, заглатывали воду, а затем выталкивали ее назад своим громадным языком. Тем временем рачки застревали, задержанные ворсистыми роговыми пластинами в китовой пасти. Такие роговые пластины, обычно называемые «китовый ус», имеются только у усатых китов.

Ты, конечно, знаешь, что кит — млекопитающее животное и дышит легкими. Но вместе с тем он способен долгое время оставаться под водой и нырять почти на целый километр. К тому же кит формой своего туловища напоминает рыб. Состязаться с ним в плавании довольно трудно. Когда кит всплывает, чтобы подышать, он прежде всего выпускает воздух через ноздри (дыхало). Над головой кита можно увидеть настоящие фонтаны, а в холодную погоду — высокие столбы пара.

Иногда целые участки моря окрашивались в красный цвет. Причиной этого были скопления миллиардов рачков, которые служили хорошим кормом для китов и гигантских акул. У этих акул, самых крупных в мире, — слабые челюсти, поэтому они питаются планктоном и мельчайшими морскими животными. Разумеется, Тронду нечего было бояться ни этих акул, ни беззубых китов.

Иначе обстояло дело с зубастыми китообразными: дельфины и белухи ходят целыми стадами и с удовольствием поедают треску.

Однажды Тронд рыскал по дну в поисках рачков и червей и едва не столкнулся с каким-то огромным зверем. Это был пятнистый нарвал. Он копался в тине, разыскивая камбалу. Спереди у него торчал, словно рог, огромный бивень, длинный, как копье. Неудивительно, что Тронд испугался и поспешил спрятаться за большим серым камнем. Но и тут ему не повезло: он угодил головой прямо в большого черного омара.

Правда, омар был совсем не страшный. Он лежал, видимо, отдыхая после сытного обеда.

— Ха-ха-ха!.. Чего же ты испугался?.. Ведь это всего-навсего пустой панцирь, — вдруг послышалось рядом.

Кто это? Кто говорит с ним?

— Иногда омар выползает из своего панциря, — снова произнес тот же голос.

Большой плоский камень, за которым спрятался Тронд, зашевелился.

— Ты что, лежишь под этим камнем? — удивился Тронд:

— Как ты сказал? Под камнем? — сердито переспросил голос. — Там, на юге, меня тоже иногда называют каменной камбалой. Видимо, они не в состоянии придумать ничего поумнее.

Камень принялся усиленно ворочаться, и Тронд с удивлением обнаружил на его поверхности два глаза.

— Так, значит, ты камбала? — спросил Тронд.

— Сам ты камбала! — с обидой ответил камень. — Я палтус, запомни это раз и навсегда!

— Мне еще в жизни не приходилось видеть такую камбалу, как ты, — продолжал Тронд.

Палтус рассердился и хлестнул по воде хвостом.

— Счастье твое, что я не голоден, а то...

— Я хотел сказать, что никогда еще не встречал палтуса, — поспешно поправился Тронд. — Ведь всякому видно, что ты не обыкновенная камбала — такой ты сильный и ловкий!

— Что ж, когда ошибка сделана без злого умысла, ее всегда можно простить, — сказал палтус уже мягче. — А не встречал ты меня потому, что я живу на большой глубине, гораздо глубже, чем ты.

Тут омар вдруг зашевелился, и Тронд отпрянул в сторону.

— Не бойся, это всего лишь течение, — сказал палтус.

— А ты уверен, что внутри панциря уже нет омара? — испуганно спросил Тронд. — Ума не приложу, как он ухитрился протащить свои огромные клешни сквозь такое узкое отверстие.

— Да, на первый взгляд это может показаться невероятным, — согласился палтус. — И всё же омары всегда проделывают такие вещи.

— Правда, порой они теряют клешни...

— Это только так кажется, — ответил палтус. — Во время драки крабы часто отрывают друг у друга клешни. Им не так уж страшно потерять ногу или клешню — у ракообразных конечности быстро отрастают снова.

— А что, омар не может обойтись без панциря? — спросил Тронд.

— Тебе легко задавать такие вопросы — у тебя ведь есть скелет...

— А разве у тебя его нет?

— Конечно, есть, — с раздражением отозвался палтус. — Все мы, рыбы, принадлежим к позвоночным, но ракообразные — дело другое.

— Что ты говоришь? — удивился Тронд.

— У нас внутри туловища имеется скелет, к которому прикреплены наши мускулы, а у ракообразных внутреннего скелета нет, зато у них есть жесткий панцирь, и к нему мускулы прикрепляются изнутри.

— Зачем же тогда они вылезают из своего панциря? — Тронду было неловко спрашивать, но ему очень хотелось все понять.

— А затем, — терпеливо продолжал палтус, — что жесткий панцирь не растягивается так легко, как кожный покров у рыб. По мере того как омар растет, ему становится тесно в его скорлупе. Поэтому ему приходится «вылезать из шкуры». Ха-ха-ха! — засмеялся палтус, довольный своей остротой. — Впрочем, он не умеет беречь вещи. Бросает свою старую одежду, а сам прячется и ждет, пока его незащищенное туловище покроется новой жесткой броней.

— Поразительно! — воскликнул Тронд.

— Да, это ты верно заметил, — согласился палтус. — Омары и впрямь поразительные животные. Они плотно прикрепляют икру к задней части туловища, совсем как креветки, так и носят ее под хвостом целый год, пока из икринок не вылупятся маленькие омарчики... Ну, а теперь нам надо отсюда убираться, — неожиданно заявил палтус и с трудом сдвинул с места свое грузное тело. — Люди спускают сюда трал.

— А куда же мы денемся? — спросил Тронд. Ему еще никто не рассказывал о трале, и он понятия не имел, что это за зверь.

— Мы поднимемся немного выше, вот и все, — спокойно ответил

палтус. — На наше счастье, трал обычно опускают на большую глубину, а нам ведь ничто не мешает с удобством расположиться над ним. Трал — это самый страшный, ненасытный зверь, которого только можно себе представить. Иногда он захватывает целые косяки креветок. Впрочем, сегодня люди как будто охотятся за рыбой. Погляди-ка, вот и трал!

Под ними зловеще забурлила вода. Тронд молнией метнулся прочь, юркнул за водоросли и стал испуганно выглядывать из-за крупных листьев с зубчатыми краями.

Канат, который раздваивался в нижней своей части, тянул за собой громадный сетчатый мешок с очень мелкими ячейками. Внутри находились распорные пластины. Трал волочился по самому дну, оставляя за собой облако ила и песка. Давление воды раздвигало пластины, открывая доступ в мешок, так что рыба, как только заплывала туда, оказывалась в ловушке.

Это было самое удивительное из всего, что Тронду приходилось видеть за всю его жизнь. Бррр!.. Как здесь страшно! Тронд поблагодарил палтуса и поплыл прочь так быстро, как только мог. Ему не терпелось отыскать более безопасный уголок.

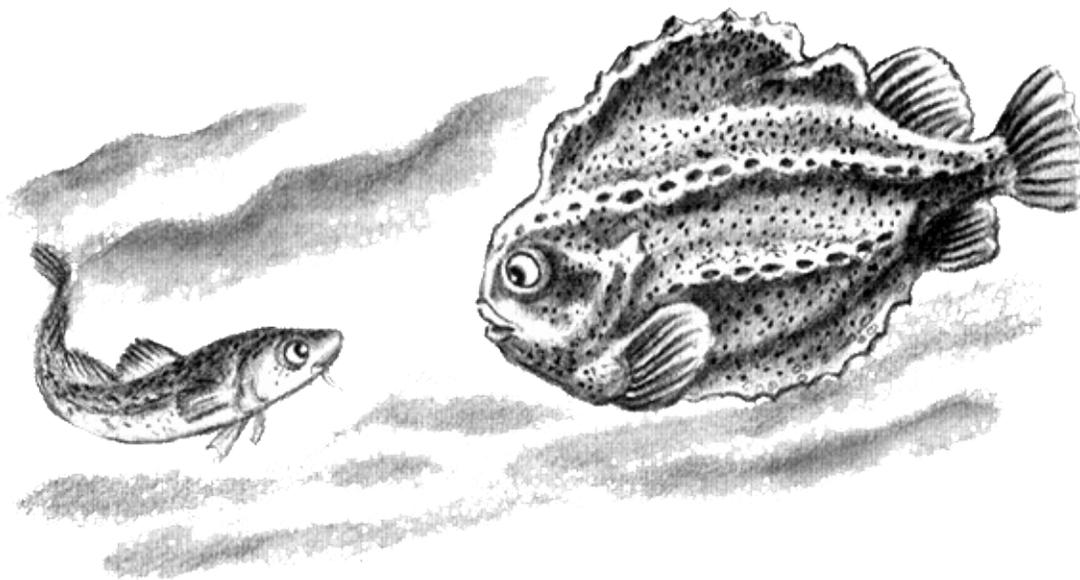
У берега Тронд повеселел. Среди водорослей, кишевших мельчайшими рачками, среди морских звезд и нежных темно-фиолетовых голотурий с клейкими щупальцами он чувствовал себя совсем как дома. Короткие, толстые кольчатые черви с блестящей, словно металлической, щетиной на спинке копошились в иле, а на камнях, на раковинах голубых моллюсков повсюду затейливым узором расположились белые известковые трубчатые черви.

Тронд остановился, помахивая грудными плавниками. Он с интересом разглядывал известковых червей. Из трубочек высовывались яркие цветы «морской гвоздики», угрожающе шевелилась их коварная бахрома.

— Добрый день! Я вижу, ты вышел на прогулку!

— Да, это верно, — ответил Тронд, глядя во все глаза на удивительное существо, которое заговорило с ним.

Перед ним была синевато-зеленая рыба с красным брюшком. Сразу бросалось в глаза множество шишек и бородавок на ее туловище. Но удивительнее всего было то, что она плотно прижималась брюшком к отвесной скале.

— Кто ты такая? — спросил Тронд.

— Меня называют пинагором, — ответила рыба. — Я не очень хорошо плаваю, но зато исполняю свой долг, чего нельзя сказать о большинстве рыб. Хочешь посмотреть, чем я занят? На месте брюшного плавника у меня имеется присоска, — продолжал пинагор, как только Тронд подплыл к нему поближе. — Моя жена откладывает икру. Но я не бросаю икринки на произвол судьбы, как это делают твои сородичи, нет! Я присасываюсь к скале и стерегу их несколько недель подряд, пока из икринок не вылупятся мальки. Кстати, не видал ли ты случайно мою жену? — спросил пинагор, раскачиваясь в такт набегавшим волнам; его синевато-зеленая спинка блестела, словно эмаль.

— А она похожа на тебя? — осведомился Тронд.

— Да нет, не совсем. У нее синяя спинка, но зато белое брюшко, — пояснил пинагор. — Если ты встретишь ее, то передай, что мне надоело так долго торчать здесь одному.

— Берегитесь! Берегитесь! — послышалось внезапно со всех сторон.

— Берегитесь косаток! Сюда плывут косатки! — донеслось снизу, со дна. — Берегитесь! Спасайтесь! Сюда плывут косатки!

Все заволновались. Перепуганные рыбы метались из стороны в сторону, не зная, куда укрыться. Донные животные зарылись в песок или прятались в густых водорослях. Некоторые рыбы поспешно уплывали прочь. Усатые киты спешили к поверхности полным ходом, словно корабли. Тюлени выползли на берег. Приближались косатки!

Всё замерло так же внезапно, как минуту назад всё смешалось и

закружилось в бешеном вихре. Море точно вымерло.

Услышав предупреждение об опасности, Тронд до предела сжал свой плавательный пузырь и камнем пошел ко дну. Дрожа всем телом, он укрылся за большой губкой.

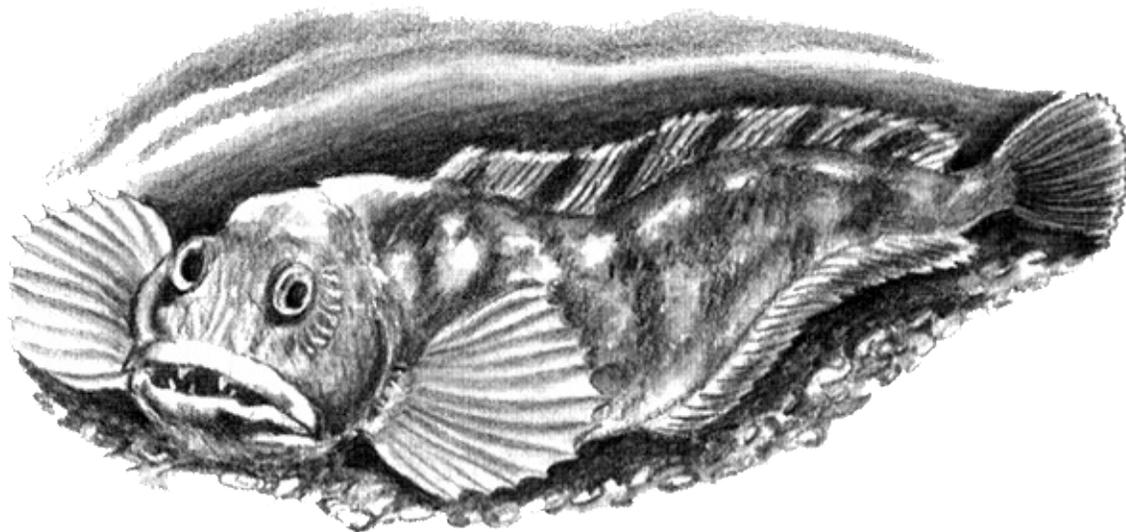
Ему не пришлось долго ждать. Три или четыре гигантские тени стремительно пронеслись над ним. Это были косатки.

К счастью, они не заметили Тронда. Ведь косатки — самые опасные морские хищники в районе норвежского побережья. Это киты с громадными страшными зубами. В длину они достигают пяти-шести метров. Косатки — отличные пловцы. Они настолько прожорливы, что глотают целиком небольших тюленей и выдирают огромные клочья мяса из боков самых крупных усатых китов.

Как только опасность миновала, все обитатели моря тотчас же вернулись на прежние места.

Тронд уже давно не бывал на таких больших глубинах, и теперь ему захотелось воспользоваться случаем и немного оглядеться. Он обнаружил, что находится в узкой расселине. Течение здесь было довольно сильное, и Тронд чувствовал себя примерно так же, как путник в горной долине при сильном ветре.

По бокам виднелись густые заросли полипов. Их колонии походили на маленькие кустики, нежные веточки которых были унизаны, словно листочками, распутившими свои щупальца полипами.

По извилистым проходам между колониями полипов сновали и ползали самые удивительные животные: рачки и улитки с глазами, которые сверкали подобно красным рубинам; извивающиеся змеехвостки, множество ярких червей, гигантские белые моллюски и другие, поменьше,

голубые и красные, — они резкими движениями смыкали половинки своих раковин, передвигаясь в воде длинными скачками.

А несколько выше проходила целая стая маленьких каракатиц.

«Всё это необычайно интересно, совсем как в сказке!» — подумал Тронд.

Бычок, тригла и другие глубоководные рыбы с жадностью пожирали моллюсков. Тронд с восхищением наблюдал за морским волком — огромной зубаткой: тот без труда разгрызал раковины моллюсков своими мощными зубами.

Вот так встреча! Тронд увидел своего старого приятеля — красного окуня. Он вцепился в длинного темно-бурого червя, который крепко держался за водоросли.

— Здравствуй, здравствуй! — воскликнул Тронд и подплыл ближе.

— А, это ты, — сказал окунь. От неожиданности он выпустил червяка, который поспешно скрылся среди водорослей. — Неужели ты и впрямь всё время околачиваешься только у берегов северной Норвегии? Да, странные нынче повадки у тресковой молодежи!.. — сокрушенно проговорил красный окунь.

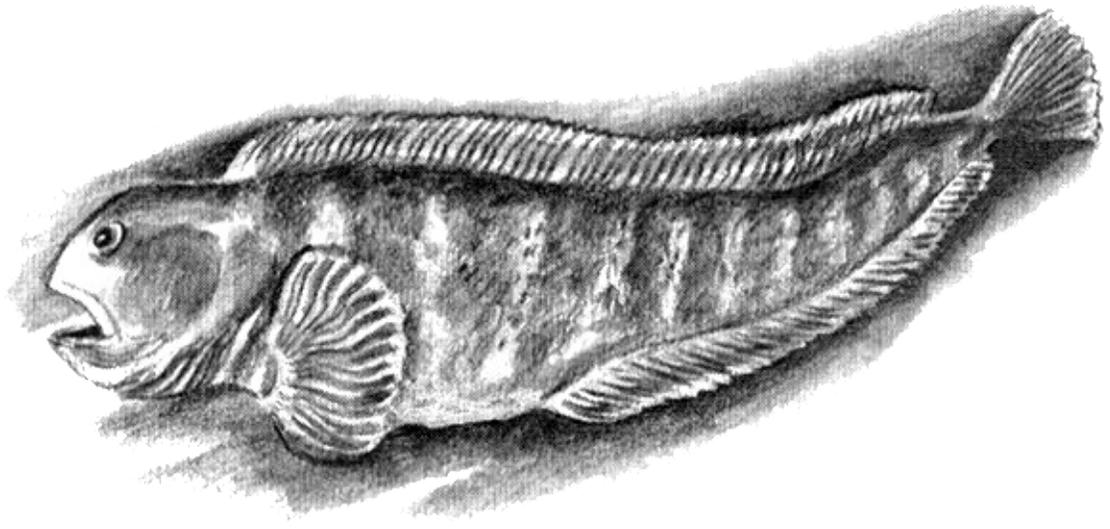
— Мне здесь очень нравится, — сказал Тронд.

«Что за привычка вмешиваться в чужие дела!» — подумал он про себя.

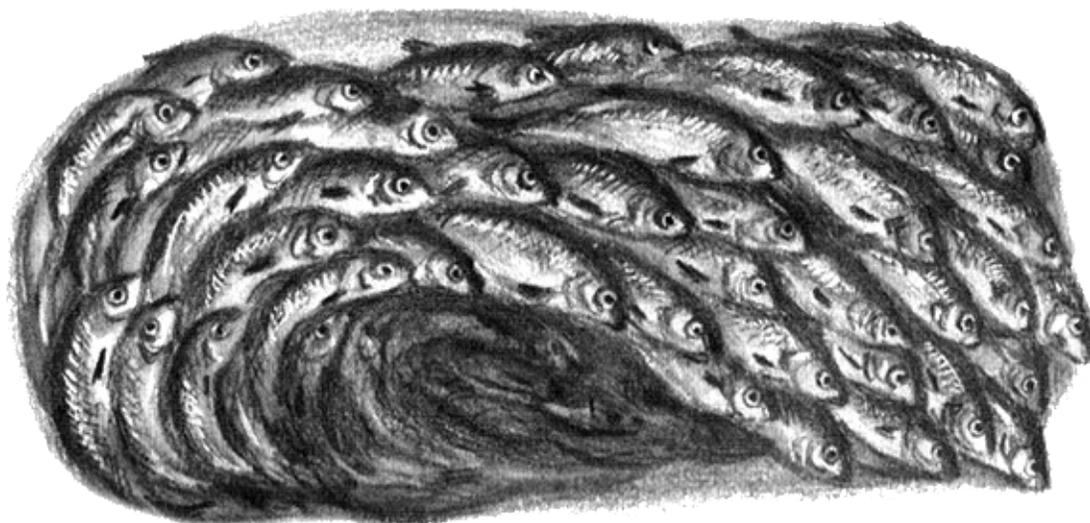
Но всё же Тронд основательно поразмыслил над словами красного окуня и решил, что отчасти он прав. Хотя порой его по-прежнему обуревало желание путешествовать, но если говорить откровенно, то дальше стремления дело не заходило.

— Разве ты не понимаешь, что молодой треске в твоём возрасте просто необходимо совершить осенью путешествие на юг? Надо же немного повидать мир и кое-чему поучиться...

Да, с этим Тронд был совершенно согласен. Он распростился с красным окунем и снова поплыл наверх, навстречу солнечному свету.

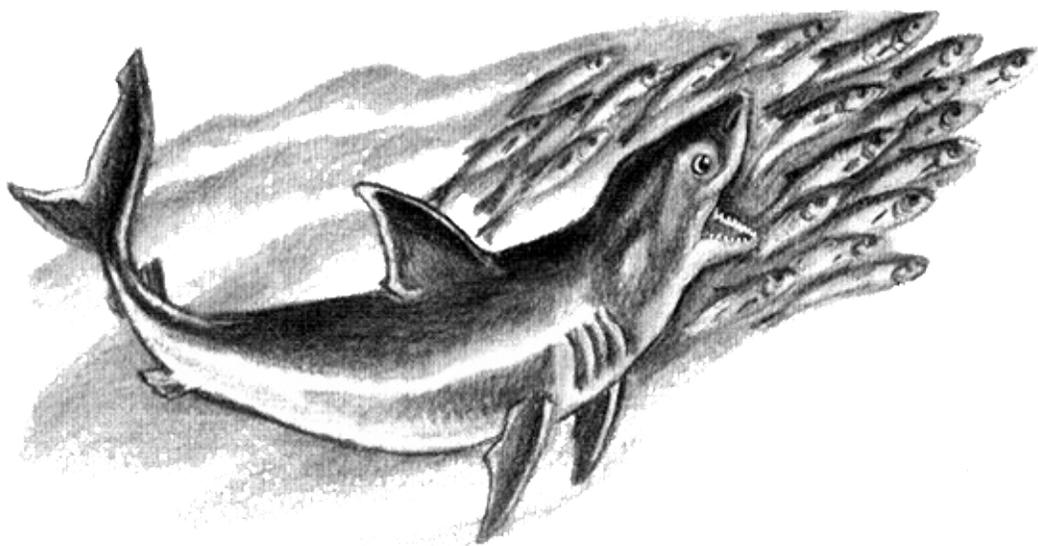
Тронд направляется к югу

Дни опять стали короткими. Теперь смеркалось так рано, что Тронд не успевал управиться со своими делами. Вода делалась всё холоднее. Снова надвигалась зимняя тьма.

Зима уже одела белым покровом землю и начала понемногу проникать в море, когда Тронд отправился в далекий путь. Он как будто чувствовал, что ему надо плыть на юг, к Гольфстриму, где вода теплее и прозрачнее.

Тронд совершил чудесное путешествие. Правда, однажды он натерпелся страха: над ним мелькнуло светлое брюхо большой сельдевой акулы. А в другой раз он не заметил в сумерках, как оказался среди огромного косяка сельдей! Тысячи серебристо-серых рыб тесными рядами скользили в воде. Путешествовать одному скучно, и Тронд последовал за ними.

Он поплыл вперед, но вдруг увидел, что с маленьких лодок, которые отбрасывали на воду черные тени, в море спускается сеть.

Сельди сразу же рванулись вбок, но и здесь натолкнулись на сеть.

Тогда рыбы заметались из стороны в сторону, всё время сохраняя стройные ряды, точно солдаты, но сеть повсюду преграждала им путь.

Наконец они повернули, чтобы плыть обратно. Но поздно! Сеть окружила их со всех сторон, оставался только небольшой просвет позади.

Тронд, который присоединился к сельдям случайно и с трудом поспевал за их быстрыми скачками, немного отстал.

Это его и спасло. Когда сельди уже запутались в сетях, он всё еще был около просвета и успел выскользнуть наружу.

Он отплыл на безопасное расстояние и стал смотреть, что будет дальше. Сеть ему совсем не понравилась. Она очень напоминала трал, который ему показал палтус.

То, что он увидел, тоже не доставило ему никакого удовольствия: сеть начала постепенно стягиваться и наконец совсем сомкнулась внизу, а сельди барахтались в ней беспомощной кучей. Потом сеть, полная рыбы, поднялась кверху и исчезла где-то над водой.

— Ну, тебе повезло! — С этими словами к Тронду подплыла большая блестящая рыба, сильная и решительная с виду. — И кто бы подумал, что ничтожная треска сумеет так ловко вывернуться! — снисходительно добавила она; потом несколько раз ударила по воде могучим хвостом и описала вокруг Тронда сверкающую дугу.

— Как тебя зовут, непоседа? — спросил Тронд. Он решил, что с таким

буяном не мешает завязать дружбу.

— Меня зовут лосось, — ответила рыба и тут же снова блестящей полосой метнулась в сторону.

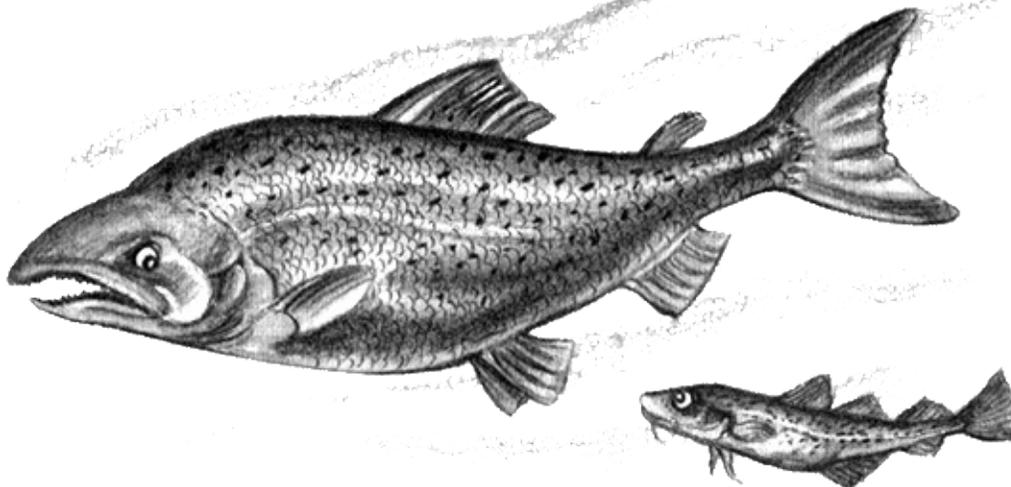
Не успел Тронд оглянуться, как она снова оказалась рядом с ним.

— Ну и быстро же ты плаваешь! — заметил Тронд.

— Мы, лососи, славимся своим проворством. К тому же я побывал в дальних краях, где такое быстрое течение, какое тебе и во сне не снилось. Я немало повидал на своем веку. Вот почему я советую тебе остерегаться невода.

— Невода?

— Да, сети, которыми ловят сельдь, называются неводом. А забрасывают этот невод люди — самые опасные на свете существа. Невод, которым они окружают косяк сельдей в открытом море, называется кошельковым. Глупые сельди начинают метаться, им невдомек, что они могут нырнуть поглубже и проплыть под неводом, и вот ты сам видел, чем кончается дело. Остерегайся заплывать в узкую бухту или рукав фьорда, — продолжал лосось, — потому что люди могут закрыть выход ставным неводом. Этот невод опускают почти до самого дна. Рыбам деваться некуда, а людям только и работы, что вычерпывать их из воды, — ведь сельди стоят в бухте так плотно, как... сельди в бочке! Смотри, будь осторожен, чтобы с тобой не приключилось то же, что с ними. Сельди всегда плывут прямо в сеть, — пояснил словоохотливый лосось, — но уверяю тебя, попасть туда — весьма сомнительное удовольствие. Особенно когда перед этим наешься до отвала чем-нибудь вкусным, вроде крылоногих моллюсков. Если сельди попадают в невод с набитым брюшком, люди заставляют их несколько дней голодать в сетях.

— Почему? — спросил Тронд.

— Потому что, когда у сельдей желудок набит какой-нибудь пищей вроде моллюсков, они быстрее портятся, — ответил лосось. — Люди не съедают их всех сразу, поэтому нужно, чтобы они хорошо сохранялись. Плыви за мной, я покажу тебе еще и другие опасные штуки, — сказал лосось и ущипнул Тронда за спинной плавник.

Лосось несся в воде, точно сверкающая молния, и Тронд напрягал все силы, чтобы не отстать. К счастью, плыть пришлось недолго.

— Вот, полюбуйся, — мрачно сказал лосось.

— Уф!.. Где? Где? — вымолвил запыхавшийся Тронд. Он не привык плавать так быстро.

— Видишь на поверхности красные поплавки с белыми флажками? — спросил лосось.

В самом деле, теперь Тронд обратил на них внимание. Поплавок было видимо-невидимо. Между ними была натянута веревка, которую удерживали у поверхности шары из зеленого стекла. К веревке на расстоянии метра друг от друга были подвешены заостренные стальные крючки, а на крючках висела наживка: потроха мидий, дохлые селедочные мальки и другая мелкая рыбешка.

— Это самая скверная из человеческих выдумок, — сказал наставительно лосось.

Да, Тронд был вполне согласен, что это отвратительное изобретение.

Он увидел, что на некоторых крючках бьются, пытаясь освободиться, большие рыбы, и среди этих рыб немало трески.

— Они расставляют свои ярусы вечером, чтобы рыба не заметила

крючков и ночью попалась на приманку, а убирают только к утру, и пойманная рыба мучается несколько часов, — рассказывал лосось.

— Наверно, сюда скоро придут люди. Пожалуй, нам лучше обратиться подобиру-поздорову, — прошептал Тронд.

Ему так хотелось оказаться подальше от опасного места, что он весь дрожал.

Лосось поплыл очень быстро. Тронд едва поспевал за ним.

— Постой, погоди, куда ты так спешишь?! — кричал Тронд.

— Мне надо подыскать реку, в которой я буду весной нереститься, — ответил лосось.

— Значит, ты тоже поднимаешься по рекам, как угорь? — спросил Тронд.

— Как угорь? Вот еще! — Лосось презрительно фыркнул, недовольный таким сравнением.

Он закружился в воде, сверкая своим крупным блестящим туловищем, а потом подплыл к Тронду и продолжал болтать:

— Мы заплываем по рекам гораздо дальше, чем глупые угри. Они не умеют прыгать через пороги.

— Прыгать через пороги? — Тронд не мог прийти в себя от изумления.

— Ты что же, никогда не слышал, как живут лососи? — спросил новый знакомый Тронда. — Ну и невежда! Придется мне рассказать тебе обо всем.

— Но я же ничего не слышу, ты всё время уплываешь вперед! — закричал Тронд.

Он так старался поспеть за лососем, что его хвостовой плавник занял от напряжения.

Лосось поплыл медленнее и начал рассказывать:

— Я родился в верховьях реки и прожил там первые четыре, а то и пять лет.

— Но пока ты не вылупился из икринки, ты тоже плавал в воде, как и я? — спросил с любопытством Тронд.

— Нет, — ответил лосось. — Мои сородичи мечут икру в ямках на дне реки, а потом заваливают их галькой. Когда я подрос, мне пришлось учиться плавать в быстрых потоках и преодолевать бурные пороги. Я стал ловким и подвижным, научился хорошо прыгать. Это умение мне очень пригодится, когда я поднимусь к самым большим порогам...

— Но как же?..

— Погоди, не перебивай! — нетерпеливо сказал лосось. — Сейчас все

услышишь. Так вот, если пороги слишком высокие, люди выдалбливают там специальные уступы с углублениями или отливают их из бетона. Получаются так называемые рыбные лестницы, или рыбопроходы.

— Подумать только, как они заботятся о вас!

— Заботятся? Ха-ха! Люди помогают нам только потому, что очень любят лососину.

— Но от всех этих упражнений ты, наверно, стал очень сильным? — спросил Тронд.

— Ну да, я стал сильным и гибким, но в реке было мало пищи, и поэтому вначале я рос очень медленно, — ответил лосось. — Когда прошли первые четыре или пять лет, я поплыл к морю. Сначала я держался близ устья реки, чтобы привыкнуть к соленой воде. Но мало-помалу она всё больше приходилась мне по вкусу, и самое удивительное, что у меня появился от нее необыкновенный аппетит. В море было куда больше корма, чем в реке. Я стал прожорлив, как голавль, и рос не по дням, а по часам. Когда я приплыл к морю, я был не крупнее сельди..

— Да, в то время тебя нельзя было назвать крупной рыбой, — согласился Тронд.

— Еще бы! Но уже через год — хочешь верь, хочешь нет — я стал в десять раз крупнее. Посмотри на меня: я прожил в море уже несколько лет, а нынешней весной поплыву вверх по реке метать икру. Большинство лососей гибнет после нереста, но что поделаешь — метать икру необходимо, чтобы вывести потомство... ну, мне пора, дальше плыви сам. Мне надоело с тобой возиться — плетешься как улитка! — нетерпеливо заявил лосось и ударил хвостом так, что вода вокруг забурлила.

Конечно, это было не очень вежливое замечание, но лосось вовсе не хотел обидеть Тронда, просто у него был такой непоседливый характер.

— Прощай! — крикнул Тронд вдогонку лососю, который мелькнул впереди, точно блестящая серебристая полоска, и исчез в темно-зеленой воде.

Впрочем, Тронд был даже рад, что остался один. Он очень устал от этой бешеной гонки.

Тронд заводит новых друзей у побережья Мёре

Для того, кто не сидит без дела, время летит очень быстро. Зима уже подходила к концу, когда Тронд оказался у самого побережья Мёре.

Весеннее солнце согревало воду. Постепенно становилось всё светлее, и Тронд легче находил дорогу у дна, среди водорослей. Но большую часть времени он проводил у самой поверхности. А когда под лучами солнышка лед вскрылся до самого побережья, здесь, наверху, стало особенно интересно.

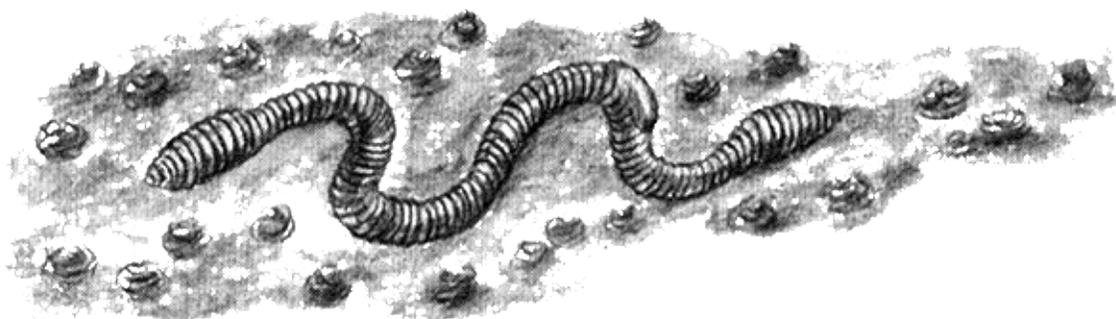
Однажды Тронд заплыл в мелководье и не на шутку перепугался. Что это за странные кружочки валяются на самом дне? Похоже, что кто-то обронил здесь свои глаза. Не может быть, наверно, ему почудилось! Но нет, в самом деле, глаза на дне лежали совершенно отдельно, они были ничьи! Ну и чудеса! А вот еще пара глаз, и еще одна, и еще... повсюду из песка на Тронда смотрели глаза, да к тому же с длинными ресницами.

Но, когда Тронд подплыл совсем близко, глаза исчезли. Это были песчаные ракушки, которые с помощью своей копательной ноги зарылись в песок, так что оттуда торчали только две трубки. Вода втягивается в одну из этих трубок и вытекает из другой, доставляя моллюску кислород и пищу — водоросли и мельчайшие животные организмы.

Тронд, конечно, ничего этого не знал, но, во всяком случае, он сразу понял, что песчаные ракушки для него не опасны.

На дне было множество других интересных вещей. Среди ракушек лежали какие-то кучки, похожие на маленькие колбаски или на крохотные бугорки. Тот, кто летом жил на побережье, конечно, не раз видел эти бугорки. Тронду они очень понравились. Он решил их понюхать. Фу! Это был самый обыкновенный песок! Один из бугорков рассыпался, как только Тронд ткнулся в него носом. Тронду стало досадно — ведь он-то ожидал найти что-нибудь интересное.

Тронд не знал, что эти бугорки — всего лишь отбросы, которые выкинул из своего кишечника пескожил. Пескожил — желто-серый червь, который ведет себя почти так же, как обыкновенный дождевой червь. Он зарывается в дно и «пожирает» песок в несметном количестве. Хотя этот червь и невелик, он кажется очень прожорливым и наедается, как ни странно, песком.

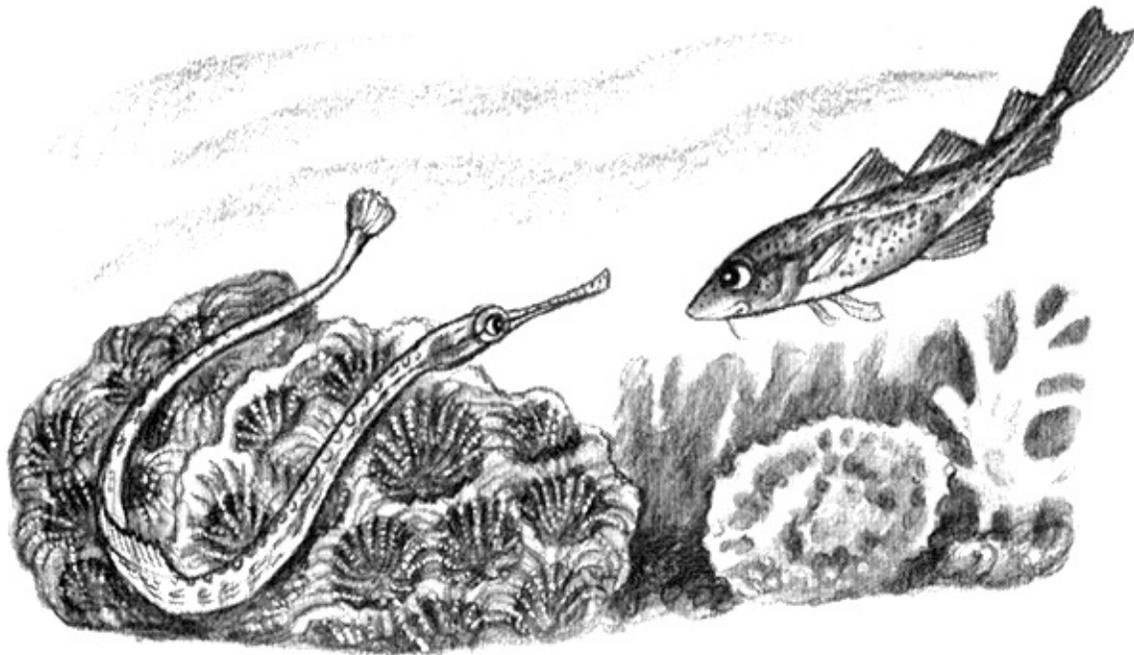

Ты, наверно, скажешь: «Ну и скверная же у него пища!» Конечно, если бы ты вздумал съесть столько песка, твоему желудку не поздоровилось бы. Но пескожилу это нипочем: такова его манера обедать. Он переваривает мельчайшие частицы морских растений и умерших животных, которые содержатся в песке. Этим он и питается. Затем он дает задний ход, выползает наружу и освобождает свой кишечник. Питательных частиц в песке мало, а поэтому у пескожила много работы: он словно процеживает песок.

А еще глубже, среди густых водорослей, Тронд встретил существо, какого он ни разу еще не видел. Оно было желто-зеленое, с поперечными полосками на туловище, длинном и тонком, как вязальная спица.

— Какой странный червяк! — воскликнул Тронд.

Он даже позабыл о вежливости от удивления, что на свете встречаются такие диковинки.

— Я вовсе не червяк, я рыба, — сказало диковинное существо. — Зовут меня рыба-игла. А что я тонкая, так ведь это только красиво. Но когда какие-то дерзкие рыбешки...

— Ну-ну, не сердись, я ведь немножко близорук, — примирительно сказал Тронд. — Я не заметил, что передо мной такая важная дама, как рыба-игла...

— Я вовсе не дама! — еще больше обиделась рыба.

— Ну, значит, я снова ошибся. Это всё из-за плохого зрения — мне показалось, что у тебя в мешочке под брюхом икра.

— Нет, ты не ошибся, — гордо ответила рыба-игла. — В нашем роду икринки высиживают не самки, а самцы.

— По-моему, это очень любезно с вашей стороны, — заметил Тронд.

Ему хотелось сказать рыбе что-нибудь приятное, чтобы загладить свою невежливость.

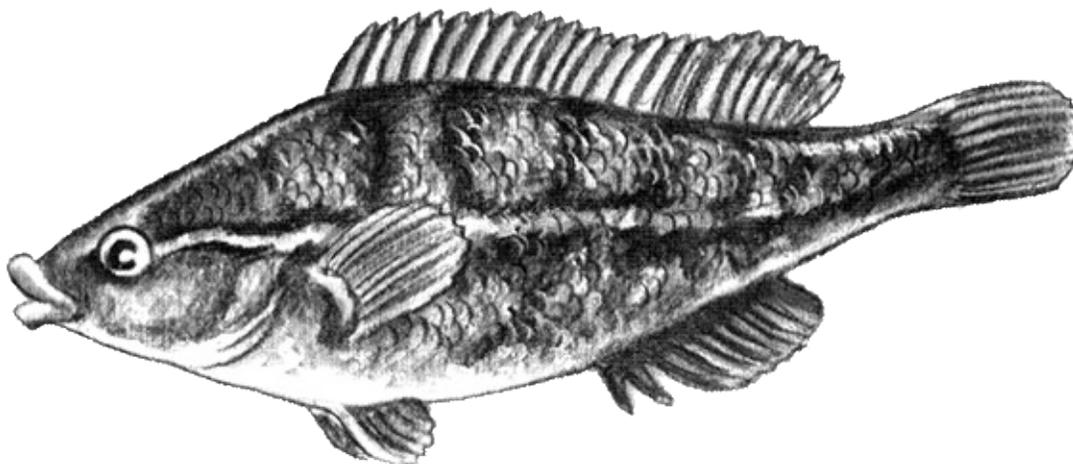
— Что за шум? — спросил Тронд: где-то рядом, под крутым склоном, раздался какой-то странный треск и хруст.

— Ничего интересного, всего-навсего щеголь, полосатый губан, — кисло ответила рыба-игла и захватила маленьким ртом несколько рачков.

Но Тронд не мог преодолеть любопытство и поплыл прямо на шум.

Там он увидел рыбу такой ослепительной расцветки, что даже рот разинул от изумления. Голову рыбы украшали узенькие синие полоски, и такие же волнистые синие полосы тянулись вдоль всего тела. Брюшко желтое, на желтых плавниках красовались синие пятна. Рыба вся сверкала

и переливалась, и у Тронда под конец зарябило в глазах.

— Ты и есть губан? — спросил Тронд.

— Да, так меня зовут, — ответила рыба и с громким хрустом раскусила моллюска.

— Как это у тебя ловко получается! — с завистью сказал Тронд.

— Для того, у кого есть настоящие зубы, это суший пустяк.

— А какие это «настоящие зубы»?

— Да вот такие, как у меня. На челюстях и в глотке у меня сидят большие крепкие зубы. Будь у тебя такие же, ты бы тоже без труда разгрызал моллюсков и крабов.

— Наверно, во всем здешнем море только у тебя одного и есть такие зубы? — спросил Тронд.

— Нет, такие зубы есть у всех членов нашего семейства, — сказала рыба.

— А что это за семейство?

— Семейство губанов, — ответил щеголь. — Наверно, тебе приходилось встречать морского карася — это мой двоюродный брат. А если тебе случится побывать южнее города Берген, ты встретишь там темно-серого губана. Это тоже мой родственник, и уж ему-то ничего не стоит разгрызть моллюска, можешь мне поверить!

— Но, наверно, ни у кого из твоих родственников нет такого чудесного наряда.

— Да, я слышу красавцем среди рыб, — скромно ответил губан. — Но если бы ты видел мою жену! — У него даже голос дрогнул от гордости. — А вот, кстати, и она...

— Ах! — только и мог воскликнуть Тронд, когда перед ним оказалась багряная рыба.

Тронд никогда еще не видел такой красавицы — точно само вечернее солнце спустилось с неба на морское дно.

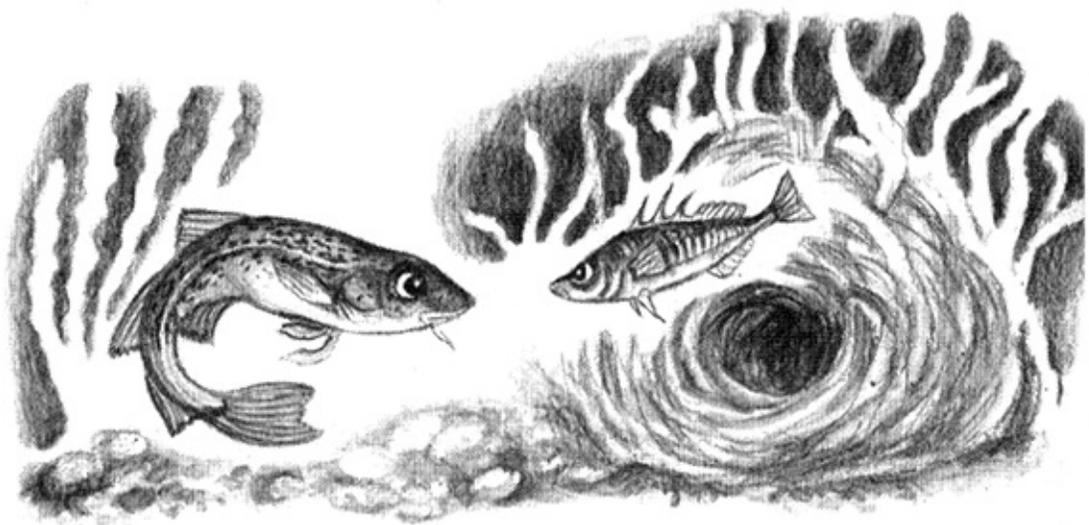
— Я и не знал, что на свете живет столько различных рыб! — сказал Тронд.

— Их гораздо больше, чем ты думаешь, — ответил губан. — Но, если хочешь увидеть настоящую диковинку, ступай посмотри вон на ту рыбу.

Тронд поблагодарил за совет и поплыл к водорослям, которые росли на менее глубоком месте. Он должен был всё увидеть своими глазами. Красная рыба так и сказала: нужно смотреть вокруг и учиться уму-разуму.

Но неужели ему советовали посмотреть на эту рыбешку?

Маленькая рыбка медленно разгуливала взад и вперед среди водорослей. В ней не было ничего примечательного, если не считать того, что из спины торчали три иглы и еще по одной игле было вместо каждого брюшного плавника.

— Нечего тарашить на меня глаза! — сердито сказала рыба. — Убирайся отсюда, а не то отведаешь моих игл!

— Не пойму, отчего ты сердишься, дружище!

— Неужели колюшка не может спокойно стеречь свою икру? — ответила рыба всё тем же сердитым тоном.

— Тебя зовут колюшка, а меня — треска, — вежливо представился Тронд.

— Не вздумай трогать мои икринки! — Самец колюшки сделал угрожающее движение, чтобы показать, что шутить не собирается.

— Не бойся, я их не трону, — ответил Тронд. — Я только что позавтракал. Просто мне рассказали, что ты не совсем обыкновенная рыба...

— Это так и есть, — уже приветливее ответил колюшка.

— Можно мне задать тебе вопрос? — вкрадчивым голосом осведомился Тронд. Теперь он боялся задеть сердитую рыбу.

— Пожалуйста, — ответил самец колюшки. Он уже понял, что у Тронда добрые намерения.

— Скажи, ты сам сплел вот этот шар из водорослей?

— Конечно. Кто же еще? — гордо ответил колюшка.

— А зачем он тебе?

— Как зачем? Вот глупый вопрос!

— Нет, правда, зачем он тебе?

— Да это же мое гнездо! — Колюшка был очень удивлен, что есть рыбы, которые не знают таких простых вещей.

Но Тронд по-прежнему ничего не понимал.

— Гнездо?

— Ну да, я сплел себе гнездо из водорослей, — начал объяснять колюшка. — Я сделал вход. Потом я загнал туда самок, и они отложили в гнезде икру. Ну как, разве плохо придумано? — заносчиво спросил самец.

— Замечательно! — согласился Тронд. — Так значит, здесь уже побывали самки!

— Да, несколько дней назад. А следом за ними я сам проскользнул в гнездо и облил икру своей молокой. А теперь я сторожу икринки, пока из них не вылупятся мальки.

Наш Тронд тоже появился на свет из икринки. Так появляются на свет миллиарды рыб, обитающих в море. Но большая часть мальков обычно погибает. Чаще всего их съедают рыбы, морские птицы и другие животные.

Миллионы икринок откладывает треска, но лишь немногие мальки вырастут и станут взрослыми рыбами, которые, в свою очередь, начнут размножаться.

Весна — это время бурного роста растительного и животного мира не только на суше, но и на море.

В воде зарождается новая жизнь. А те, кто пережил зиму, стряхивают оцепенение, потому что яркое весеннее солнышко согревает воду, и всё живое начинает быстро развиваться.

Омар линяет — сбрасывает свой панцирь, полипы почкуются — дают новые отростки. Водоросли пышно поднимаются со дна и начинают размножаться: появляются новые заросли, гуще и пышнее становятся прежние.

Мельчайшие растения — одноклеточные водоросли — свободно плавают в воде. Они быстро размножаются и превращают море в огромную кладовую.

У рачков весной появляется необыкновенный аппетит. Они поглощают крохотные водоросли и частицы растений. Рачки и их личинки миллионами плавают в море.

Мальки вылупляются из икринок и находят в море обильный корм.

Тронд плывал вдоль берега. Вокруг него кипела жизнь, она была ключом повсюду, и зеленоватая вода переливалась яркими весенними красками.

Среди колышущихся водорослей прибрежной полосы на больших глубинах открытого моря и у самой поверхности воды — всюду, куда ни глянь, богатая жизнь, всюду сколько угодно пищи.

Со стороны открытого моря катились тяжелые темно-зеленые волны с белыми пенистыми гребнями. Равномерно ударяясь о крутые прибрежные скалы, они приносили корм морским птицам.

Волны по-весеннему гулко разбивались о голые скалы и ласково расплескивали свою теплую воду по берегу, где много месяцев подряд снег и лед скрывали всё живое под своим плотным покровом.

Большие косяки рыб подплывали к берегу, а наверху, в мерцающих верхних слоях воды, кишели желтые личинки морских червей.

Тронд как раз уплетал этих желтых личинок, когда к нему подплыла рыба с блестящей зеленой спинкой. Ее крупная чешуя отливала серебром.

— Ты очень похожа на сельдь, — заметил Тронд.

— Я и есть сельдь, — ответила рыба. — Разве ты не видишь?

— А почему же ты плаваешь одна? Настоящая сельдь так не плавает, — возразил Тронд.

— Посмотри на меня получше, — сказала сельдь, встряхнувшись.

Тут Тронд заметил, что несколько чешуек на спинке сельди едва-едва держатся.

— Я хочу предостеречь тебя, — серьезно сказала сельдь.

— Против чего? — удивился Тронд.

— А вот гляди!

Тронд пригляделся и тогда только заметил вдали какой-то предмет, на который он раньше не обратил внимания.

— Это что, кошельковый невод? — с беспокойством спросил он.

— Это плавные сети, — объяснила сельдь. — Не бойся, надо просто быть осторожным. Подплывем поближе, ты их как следует разглядишь.

— Я, наверное, смог бы проскользнуть сквозь такие крупные ячейки, — сказал Тронд.

— Многие глупые рыбы так думают. В том-то и вся хитрость!

— Вот как!.. — пробормотал Тронд, но сколько ни ломал голову, так и не понял, что хотела сказать сельдь.

— Рыбы в каждом косяке бывают примерно одинаковой величины, — объяснила сельдь. — Когда сети преграждают путь стае мелких рыбешек, они легко проплывают сквозь ячейки.

— Ну да, так почему...

— Дай же мне кончить! — нетерпеливо прервала его сельдь. — Зато, когда появляются рыбы покрупнее, им уж несдобровать. Многим кажется,

что они все-таки сумеют проскочить. Ничего удивительного в этом нет — ведь рыбаки расставляют сети поздно вечером и рыбе трудно разглядеть, велики ли ячейки. Если ячейки оказываются слишком мелкими, рыбы застревают. Они пробуют податься назад, но им мешают жабры. И чем отчаяннее их попытки освободиться, тем сильнее они запутываются. Вон те бедняги провели в сетях целую ночь. Так может случиться со всяким, кто делает глупости.

Тронд уже давно притих, как мышонок. Он больше не смел перебивать сельдь. И все-таки не выдержал:

— Но ведь это сельди из твоего косяка, значит, ты тоже...

— Хм! Н-да, конечно... Видишь ли, — сельдь смущенно покосилась в сторону, — конечно, со всяким может случиться... Я тоже застряла в сети. Правда, мне удалось вырваться, но я чуть было не содрала с себя всю чешую. Наши чешуйки сидят не так прочно, как ваши.

— Значит, ты отбилась от своего косяка, — сказал Тронд и вздохнул: «Да, люди злы и коварны!». — Скажи, а сети тоже привязаны к буйам, как веревки ярусов? — спросил он немного погодя.

— Иногда привязаны, — ответила сельдь. — Но такие сети, как эта, свободно плавают в море, потому-то их и называют плавными. А поплавки из пробки не дают сети опуститься на дно.

— Как много ты знаешь о разных сетях! — с восхищением сказал Тронд.

— Что ж тут удивительного? Люди круглый год только и делают, что рыщут по морю с сетями и неводами в поисках жирных сельдей.

— Значит, сельдь ничего не стоит поймать? — спросил Тронд.

— Тебе легко рассуждать, ты плаваешь в одиночку, — сказала сельдь. — А мы не можем жить в одиночку, мы всегда ходим косяками. Противные чайки — большие любительницы сельдей. Они всегда летят следом за нами, носятся взад и вперед, кричат и поднимают такой шум, что люди всегда знают, где мы находимся.

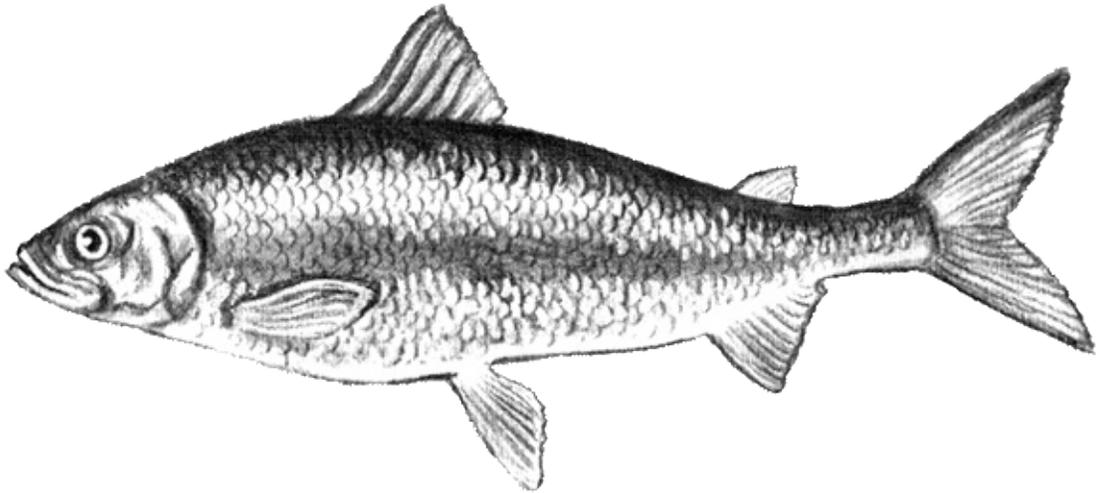
— Сколько же тебе лет? — осведомился Тронд.

— Что за глупый вопрос! Это, по-моему, и так каждому видно, — заметила сельдь.

— Видно? Как это видно? — удивился Тронд.

— Видно по моей чешуе. Подплыви и взгляни на меня как следует. Ближе, еще ближе!

— Я не могу разглядеть ничего, кроме маленьких колец, — ответил Тронд.

— Сколько же ты их видишь?

— Раз, два, три, четыре, пять, — сосчитал Тронд.

— Правильно, у меня пять годовичных колец, — сказала сельдь.

— Что же это такое — годовичные кольца?

— Неужели ты никогда не слышал про годовичные кольца? Их еще называют возрастными кольцами. На суше у деревьев тоже есть такие кольца. По ним можно узнать, сколько дереву лет.

— А откуда они берутся? — поинтересовался Тронд.

— Не так-то просто ответить на твой вопрос, но всё же я попробую, — сказала сельдь. — Видишь ли, осенью и зимой, когда в море мало корма, мы растем медленно, и это отражается на росте нашей чешуи: образуется прозрачная полоска. Весной и в начале лета мы растем особенно быстро, потому что в такое время добывать корм легко. Это тоже отражается на нашей чешуе: образуется более широкая и более плотная полоска. Каждый год возникает новое зимнее и новое летнее кольцо. Подсчитав зимние кольца, узнаешь, сколько зим прожила рыба. У меня на чешуе пять таких колец — значит, мне пять лет.

— А у трески нет таких колец? — спросил Тронд.

— Почему же, у трески они тоже есть, но чешуя у нее мельче и не такая красивая, как у нас, поэтому и кольца труднее разглядеть.

— Ты назвала себя жирной сельдью. А крупная сельдь тебе не родня? — Тронду впервые довелось говорить с селедкой. Он решил воспользоваться случаем и расспросить ее как можно подробней.

— Разумеется, родня, — ответила селедка. — Просто сельдь с возрастом меняет название.

— Ты родилась в здешних краях?

— Да, большинство сельдей мечут икру здесь, у побережья Мёре,

ранней весной, с февраля по апрель, чуть позже трески.

— Значит, ты всю жизнь прожила здесь? — спросил Тронд. Он почувствовал себя бывалым путешественником.

— Ну нет! Когда я вылупилась из икринки, то вместе с другими селедочными мальками поплыла на север. Селедочные мальки всегда плывут на север. Вот почему у северных берегов так много мелких сельдей. К осени я уже достигла десяти сантиметров в длину, так что мне пришлось быть начеку, когда люди начали лов молодой сельди.

— А что это такое — молодая сельдь? — спросил Тронд.

— Пока мы не выросли, нас называют молодой сельдью. Люди используют нас вместо сардин и употребляют для наживки. А на следующую весну нас ловят уже вместо анчоусов.

— Каких только имен у тебя не было! — с уважением заметил Тронд.

— Это еще не все, — сказала сельдь. — Когда мне исполнилось три года, я превратилась в жирную сельдь и называюсь так до сих пор. Жирная сельдь — самая вкусная, вот почему люди так охотятся за нами. Они готовят из нас копченую селедку, вытапливают рыбий жир и делают рыбную муку.

— Надеюсь, у тебя больше не будет имен, а то мне и эти не запомнить! — взмолился Тронд.

— До семи лет не будет, но, когда я смогу метать икру, меня станут называть крупной сельдью.

— Это, наверно, самый приятный возраст?

— Гм... как сказать. Крупная сельдь большую часть года проводит в открытом море. К концу осени она большими косяками направляется к побережью и тут-то попадает в плавные сети. Люди забрасывают свои коварные сети за много миль от берега. Но и этого им мало. У самого берега они тоже ловят рыбу сетями и неводами длиной во много сотен метров.

— Ну-у! — Тронд даже вытаращил глаза от изумления: он никогда не думал, что сеть может быть такой большой. — Как же людям удастся ставить свои длиннющие сети?

— Ты видел когда-нибудь лодку? — спросила сельдь.

— Конечно, видел, — поспешно заверил ее Тронд. — Это такие выдолбленные куски дерева, которые движутся по воде при помощи деревянных плавников.

— Правильно, это весельные лодки. Но бывают еще огромные рыболовные суда, которые пыхтят: пафф-пафф. Они куда больше весельных лодок. Эти суда расставляют сети и стягивают их — и всё это

при помощи лебедки, — рассказывала сельдь, гордая своими познаниями.

— Что значит «лебедка»? Я никогда прежде не слыхивал этого слова, — сказал Тронд.

— Куда тебе! — заявила сельдь. — Даже я толком не могу понять, как она устроена. Знаю только, что это какая-то штука, которая начинает вращаться и разматывать сеть, как только в брюхе у рыболовного судна заурчит другая диковинная штука, которая называется мотором. — Сельдь сокрушенно покачала головой: — Да, осень — тяжелое время для крупной сельди!

— Но, по крайней мере, весной вас оставляют в покое? — осведомился Тронд.

— Нет, весной опять начинается лов, хотя в период нереста мы теряем в весе. Весною сельдей чаще всего ловят кошельковым неводом, потому что в это время они держатся ближе к берегу. По сути дела, с осени до весеннего нереста крупная сельдь всё время плавает у берега.

— Нелегкая это, видно, доля — родиться селедкой, — сочувственно сказал Тронд.

— Ох, какая нелегкая! — вздохнула сельдь. — А в последнее время люди стали ловить рыбу еще и тралом.

— Наверно, глупо задавать такие вопросы, но все-таки мне очень хочется знать: неужели сельди никогда не удастся пройти ниже сетей — то есть проплыть под ними?

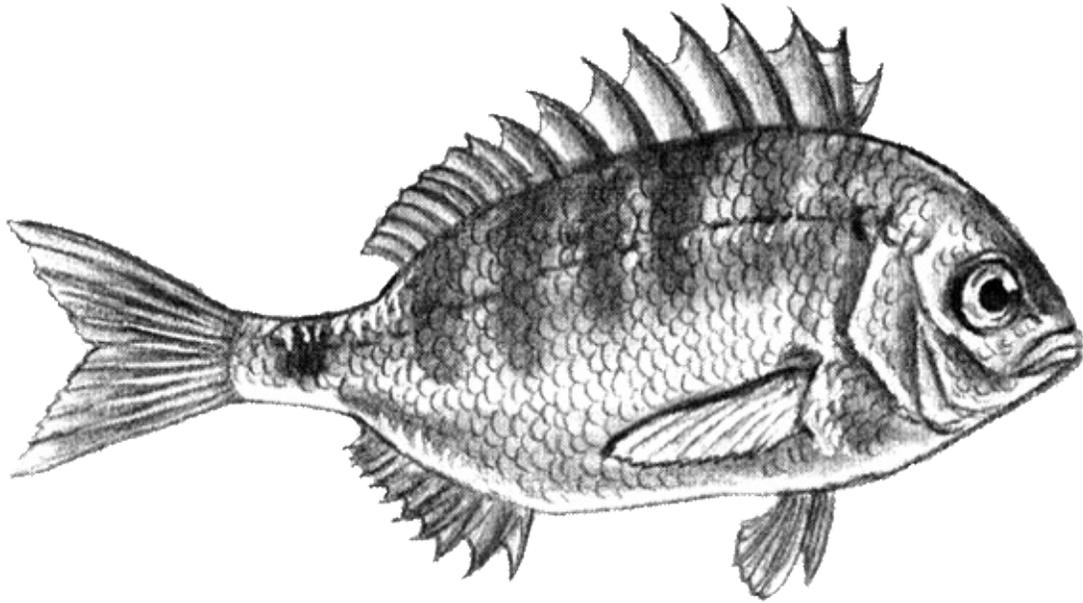
— Ха-ха-ха! Сразу видно, что ты не знаешь людей. Они умнее всех на свете. А самым умным среди них — тем, которых называют учеными, — прекрасно известно, что сельди держатся на определенной глубине — там, где вода обладает наиболее благоприятной температурой и соленостью. Ты ведь и сам знаешь: чем глубже, тем холоднее и соленее вода. А эти ученые такие хитрецы — они могут определить, какова в море температура и сколько соли содержит вода.

— Понятно! — закричал Тронд. — Значит, они всегда знают, на какой глубине вы плывете.

— Ты, я вижу, неглуп, — заметила сельдь. — В том-то и дело, что они знают и опускают сеть как раз на такую глубину, чтобы мы не смогли их миновать. Люди вдобавок придумали такую штуку — она называется эхолот, — при помощи которой сразу можно определить, на какой глубине мы идем. Но это очень долго и сложно объяснять. Ну хватит, я заболталась, — продолжала сельдь, нетерпеливо взмахнув хвостом. По-видимому, она решила, что потратила слишком много времени на Тронда. — Пора в путь, я должна пристать к какому-нибудь косяку.

Счастливо оставаться!

И сельдь как блестящая стрелка понеслась вперед — ведь сельди плавают очень быстро.

Дядюшка скат

Тронд снова пустился в путь, чувствуя, что голова у него идет кругом. Шутка ли — за один раз усвоить столько премудрости!

В бодром настроении Тронд плыл в сторону побережья, не забывая, однако, советов селедки. Он понял, что ему всегда надо быть начеку.

Солнце уже сияло высоко в небе, точно яркая лампа на огромном лазоревом потолке.

«Если бы не солнышко, в море, наверно, никогда бы не было так красиво, — думал Тронд. — И как тепло! Ах!» Тронд встряхивался от удовольствия и то вдруг вилял в сторону, то кружился на месте — такое у него было веселое настроение.

Не один только Тронд радовался чудесному утру. Ликовали все обитатели моря. Между двумя скалами резвился в водорослях морской карась, разыскивая улиток и крошечных моллюсков. Среди мидий маленькие рачки и креветки дрались из-за пищи, а морские звезды присосались к камням и нежились под лучами весеннего солнца.

Но что это? Тронд даже вздрогнул от неожиданности. Уж не кит ли там? Нет, это не кит. Вот чудеса! Уж не скала ли несется прямо на Тронда? Пожалуй, даже целый остров. Нет, наверно, это все-таки живое существо! Вот оно промчалось мимо на всех парах! Оно так виляло хвостом, что вода вокруг кипела и бурлила. У чудовища было ярко-красное брюхо, обросшее морскими желудями и водорослями.

Тронд перепугался насмерть — ему ведь еще ни разу не приходилось видеть пароход. Он притаился в водорослях и долго после того, как корабль скрылся из виду, не осмеливался выбраться из своего убежища.

Недалеко от берега Тронд увидел огромный косяк сельдей. Рыбы шли плотными рядами, точно целая армия блестящих оловянных солдатиков. Когда они свернули в сторону, их чешуя заблестела, как серебро.

Сельди направились к берегу, где дно было каменистое и неровное. Очевидно, они чего-то искали, потому что несколько часов подряд метались взад и вперед.

В конце концов Тронд отважился приблизиться. Но в это время сельди опустились глубже, и Тронд увидел внизу лишь их блестящие зеленоватые спинки. Подумать только, какой огромный косяк! Но что они там делают?

Вдруг самки все как одна выметали икру. Икра стала опускаться и толстым слоем осела на каменистом дне.

Самцы сразу же облили икру молоками. Струи молоко растекались по воде и окрасили ее в сероватый цвет.

Тронд почти перестал различать, что происходит внизу. Сельди всплывали и тут же исчезали, как пузыри на воде. Казалось, на дне стоит огромный котел, в котором кипит молочный суп, или же там спрятана волшебная мельница, которая во всю мочь перемалывает сельдей жерновами.

Сельди кончили метать икру и покинули нерестилище.

Вода стала прозрачнее.

Немного погодя поднялась страшная возня. Откуда ни возьмись, появились всевозможные рыбы, омары, крабы и рачки и стали пировать, пожирая селедочную икру.

Тронд тоже не отставал от других, ведь селедочная икра — редкое лакомство.

Наевшись до отвала, он поднялся с каменистого дна и поплыл к берегу, где среди камней и водорослей, словно чистая перина, белел песок.

Брюшко у Тронда раздулось от съеденной икры. Когда же он наконец отучится от обжорства! Он отяжелел, стал вялым и неповоротливым. — фу! — Тронд вздрогнул от отвращения: он едва не угодил носом в большой слой селедочной икры.

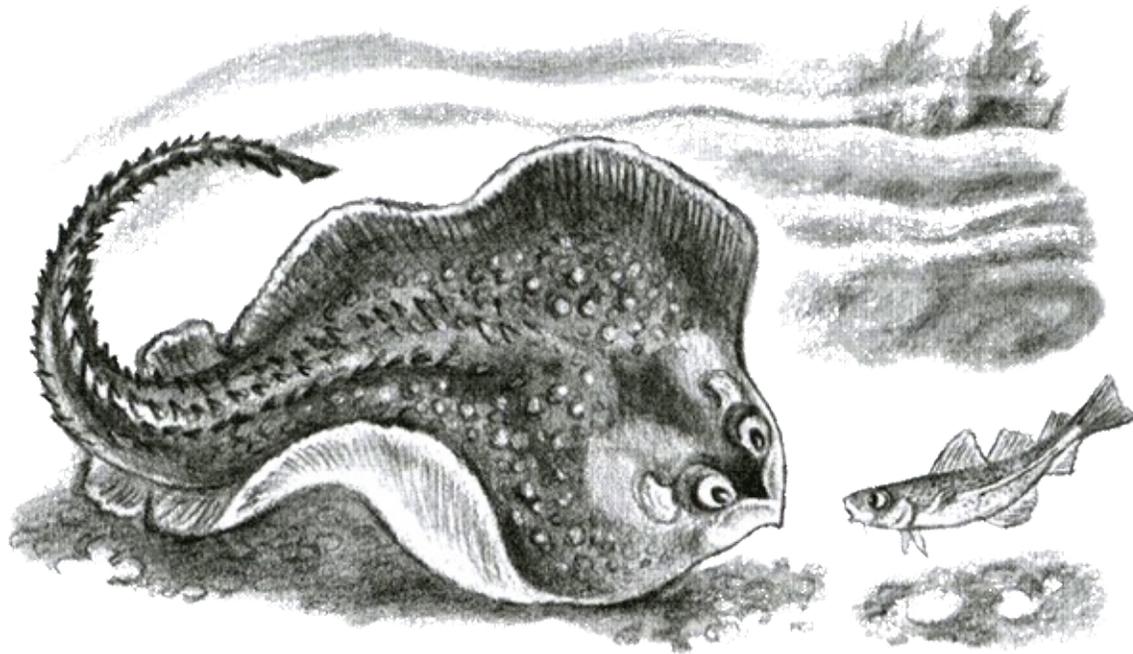
— Ну и молодежь пошла нынче! Когда мы были молоды, нас воспитывали по-другому. По крайней мере, мы никогда не забывали здороваться со старшими, — промолвил слой икры, и тут Тронд сообразил, что это вовсе не икра, а рыба.

Но какая странная рыба! Длиной больше двух метров, плоская и

четырёхугольная, она напоминала темно-серый камень. Оба глаза были расположены у нее на верхней стороне, как у камбалы, а один из четырех углов переходил в хвост.

— Как тебя зовут? — спросила рыба.

Тронд назвал себя, стараясь держаться подальше, так как его немного пугал хвост странной рыбы. Он был похож на крысиный и вдобавок украшен шипами.

— Не бойся, подплыви ближе, — сказала рыба и приветливо махнула хвостом. — Я питаюсь главным образом моллюсками. Я разгрызаю их, — добавила она и широко разинула рот, чтобы Тронд мог рассмотреть ее крупные плоские зубы.

— А почему у тебя нет жабер, как у всякой другой камбалы? — спросил Тронд.

— Я вовсе не камбала, меня зовут скат. Я старая, бывалая рыба. Я тебе в дядюшки гожусь. Я порядком повидал на своем веку и могу рассказать много интересных и полезных вещей. Взгляни, — продолжал скат, слегка приподнявшись, чтобы показать Тронду свое светлое брюхо. — Видишь, жабы здесь, на нижней стороне тела.

— Ты, наверно, любишь лежать на дне? — любопытствовал Тронд. Он уже чувствовал, что ската ему бояться нечего. Вид у ската был добродушный и ленивый, да и к тому же он сам напрашивался в дядюшки.

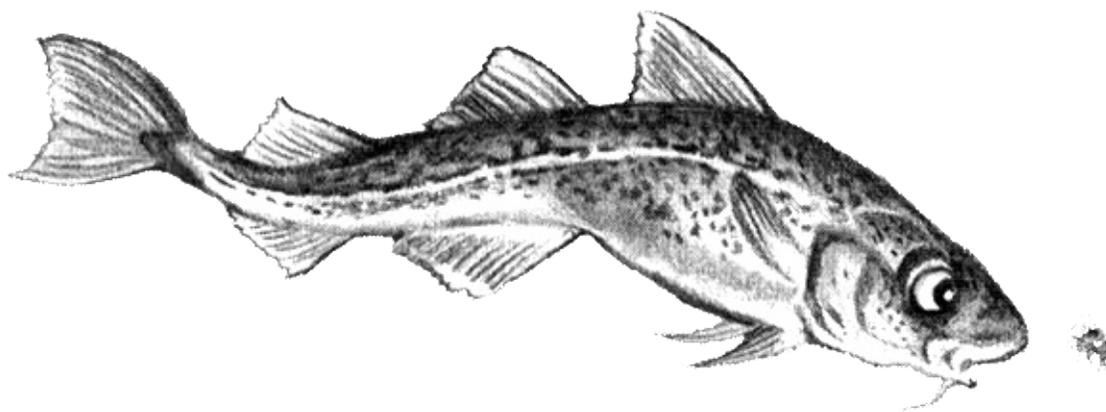
— Ты угадал: больше всего я люблю песчаное дно, где много моллюсков, — ответил скат. — К тому же пловец я неважный, у меня ведь

нет плавательного пузыря. Тебе, наверно, невдомек, что плавательного пузыря нет ни у акул, ни у скатов. Только, видишь ли, я люблю чистое песчаное дно, а не илистое, которое так по душе настоящим донным животным.

— А почему тебе не нравится илистое дно? — спросил Тронд.

— Фу, какая гадость! — брезгливо содрогнулся скат. — Там такая грязь и вонь, что нам, рыбам, лучше туда не соваться. Мы ведь не едим гниль. А крабы, креветки и большинство других обитателей дна с удовольствием поедают мертвых животных, которые опускаются вниз. И хорошо делают — кто-то ведь должен наводить в море чистоту.

— Неужели они съедают всё, что опускается на дно?

— Куда им! — ответил скат. — В море так много всякой живности, что большинство погибших животных и растений так и остаются лежать на дне и начинают гнить. Они покрывают значительную часть дна вязким илом. В конце концов они растворяются в воде. Течения выносят эту воду на поверхность, и водоросли получают питательные вещества. Таким образом мертвые животные приносят пользу живым. Для того чтобы новая жизнь возникала и развивалась, старая должна погибнуть.

— Дядюшка скат... — смущенно начал Тронд. Ему очень понравился его новый знакомый. Он ни разу не встречал такой приветливой рыбы. И к тому же это был его единственный дядюшка. — Дядюшка скат, ты так долго жил на свете! Не можешь ли ты объяснить мне, что такое Гольфстрим?

Тронд часто думал об этом, но ни у кого не осмеливался спросить: взрослые рыбы всегда были рады случаю посмеяться над его невежеством.

— Гольфстрим, Тронд, — это наш лучший друг, — ответил скат. — Если бы он не протекал вдоль норвежских берегов, мы бы не могли здесь жить.

Пока Тронд болтал со скатом, солнце начало понемногу склоняться к морю. Оно опустилось в мягкую грядку облаков на западе и зажгло свой вечерний костер. Холодная темная ночь выползла из морских глубин, смешивая свои черные краски с пылающей огненно-фиолетовой вуалью, которой солнце окутало море.

На дне царил сказочный полумрак, когда дядюшка скат начал рассказывать Тронду о Гольфстриме:

— Я вижу, ты неглуп и сообразителен, поэтому я попытаюсь тебе объяснить, как рождается Гольфстрим.

Далеко-далеко на юге, там, где солнце сияет высоко в небе, или, как говорят, у экватора, стоит особенно сильная жара. Когда солнце нагревает воздух, он расширяется и начинает подниматься вверх, совсем как рыба, когда у нее плавательный пузырь увеличивается в объеме. А на его место стекаются новые воздушные массы. Когда воздух таким образом перемещается, люди на земле говорят: «Дует ветер».

Итак, у экватора воздух поднимается кверху, поэтому здесь дуют сильные ветра и с севера, и с юга. Когда ветра сталкиваются друг с другом, один из них поворачивает на запад, а другой — на восток. Эти ветра называют пассатами. Ветра эти постоянные. Они дуют с одинаковой силой круглый год и приводят в движение верхние слои воды. Так рождается течение Гольфстрим.

Его называли Гольфстрим, что означает «течение из залива», потому что воды его обогрываются в Мексиканском заливе, который находится в самом жарком поясе Америки и по величине не уступает настоящему морю.

От берегов Америки Гольфстрим течет на северо-восток и мощной рекой вливается из Атлантического океана в Северное море через пролив между Фарерскими и Шетландскими островами. Отсюда он направляется к северу вдоль берегов Норвегии... Ты меня слушаешь?

— Да-да, — поспешно сказал Тронд. Он заверил ската, что старается не пропустить ни слова из этого интересного рассказа. Теперь скат казался Тронду большим черным камнем на сером песке, потому что ночной мрак, разлившийся по морю, окрасил воду в серо-черные тона.

— Но важнее всего, — продолжал рассказывать скат, — что воды Гольфстрима всегда теплые и рыбы могут жить у здешних берегов даже зимой. При этом Гольфстрим смягчает климат и на суше. Гольфстрим обогрывает всю северную Европу, как огромная отопительная система.

Благодаря ему люди могут жить далеко за Полярным кругом, например на севере Норвегии. Конечно, нам не очень-то приятно, что люди селятся у нас под боком. Но, с другой стороны, не будь Гольфстрима, рыбам

пришлось бы плохо. Бр-р! Если бы лед толстым слоем лежал у берега, вода стала бы холодной, и нам было бы нелегко добывать себе пищу. Никогда не забывай, что именно благодаря Гольфстриму в здешних водах могут существовать растения и животные родом из далеких южных краев. Но, пожалуй, довольно болтать. Уже поздно, и ты, я вижу, устал, — спохватился скат.

— А-а!.. — зевнул Тронд.

Он и в самом деле немного устал, после того как выслушал за один раз так много умных вещей. К тому же у него разболелся живот.

— Да, брат, треска не очень разборчива в пище, — покачал головой скат. — К лету ты похудеешь и станешь прихварывать, потому что в эту пору треска имеет обыкновение есть песок. А всё от жадности. Ну ладно, спокойной ночи, — дружелюбно добавил скат, устраиваясь поудобней на песчаной перинке.

— Спокойной ночи и спасибо за интересный рассказ! — ответил Тронд и юркнул в водоросли.

Утро медленно вставало над морем. Холодный сероватый свет забрезжил на востоке, и северный ветер погнал ночной туман с моря на сушу. Высокие грязновато-серые волны пробудились от сна и тяжело и лениво начали биться о берег. Они протягивали свои длинные руки в узкие заливы и расселины, где вода плескалась и клокотала среди гальки и фукусов. Пенясь, они взбегали на берег, где зуёк и береговой кулик, помахивая хвостиками, прогуливались в поисках пищи.

В недрах моря всё живое тоже пробуждалось навстречу новому дню. Тусклый серый свет понемногу просачивался всё глубже. То там, то здесь по воде пробегала легкая рябь, поднятая стаями мелких рыбешек; ненасытные омары высовывали жадные клешни из-под камней и из чащи водорослей.

Тронд энергично барахтался в воде, чтобы стряхнуть с себя ночной холод. Он закусил улиткой и несколькими водяными блохами, а затем поспешил к песчаной отмели, где по-прежнему нежилась дядюшка скат.

— Доброе утро, дядюшка! — закричал Тронд.

— Здравствуй, Тронд! Я вижу, ты вышел гулять спозаранку, — пробурчал скат.

— А ты неужто еще не вставал? — Тронд никак не мог понять, что за охота скату так долго валяться.

— Э-хе-хе! Уж не думал ли ты, что у старой развалины вроде меня может быть такой же непоседливый нрав, как у молоденькой рыбешки? — заметил скат. — К тому же мне не по себе в такую сырую погоду, —

добавил он, поеживаясь от холода.

— Разве солнце сегодня не выглянет? — спросил Тронд.

Водная гладь над ним напоминала большое тусклое неотшлифованное стекло. В воде было холодно и сумрачно, совсем не так, как накануне, в светлый погожий день.

— Пожалуй, нынче будет пасмурно, — ответил скат.

— А не расскажешь ли ты мне сегодня еще что-нибудь интересное? — Тронду не терпелось разузнать как можно больше.

— Гм!.. — Скат задумчиво разгрыз раковину оказавшейся поблизости улитки. — Пожалуй, я тебе дам кое-какие полезные советы, чтобы ты не попал в беду, когда через несколько лет тебе придет время нереститься.

— А скоро это будет? — с интересом спросил Тронд.

По правде говоря, ему раньше и в голову не приходило, что когда-нибудь он сам тоже станет взрослым.

— Треска начинает нереститься в возрасте около семи лет и делает это ежегодно, пока ей не исполнится двадцать.

— Неужели я доживу до двадцати лет?

— Это немногим удастся, — мрачно заметил скат. — Если будешь осторожен и не станешь всюду совать свой нос, то, может, и доживешь. Но имей в виду, что быть крупной треской опасно, особенно во время нереста и сразу же после него.

— Значит, для меня это не опасно? — Тронд не понял, почему скат говорит о нем, а не о других.

— То есть как не опасно? О тебе и речь. Тебя и будут называть крупной треской, когда ты начнешь нереститься. Люди ежегодно вылавливают множество крупной трески. Они ловят ее зимой, когда она нерестится на отмелях, а также сразу после нереста. Помни об этом.

— Неужто они съедают столько трески? — спросил Тронд.

— Что не могут съесть сами, то продают в другие страны. Ведь и там живут люди, которые тоже нуждаются в пище, — объяснил скат. — Рыбаки потрошат треску, а потом подвешивают к особой раме с поперечинами, и она сохнет на ветру. Но Мере особенно славится своей вяленой треской. Для ее приготовления отбирают самую жирную и вкусную треску.

— Вяленой треской?

— Да, треску солят, а потом сушат на скалах. Теперь ты знаешь, что тебе грозит, если ты будешь неосторожен. Не жалуйся потом, мол, дядюшка скат тебя не предостерег.

Тронд пообещал всегда быть начеку и не забывать советов ската. Но, по правде говоря, ему немножко надоели все эти нравоучения.

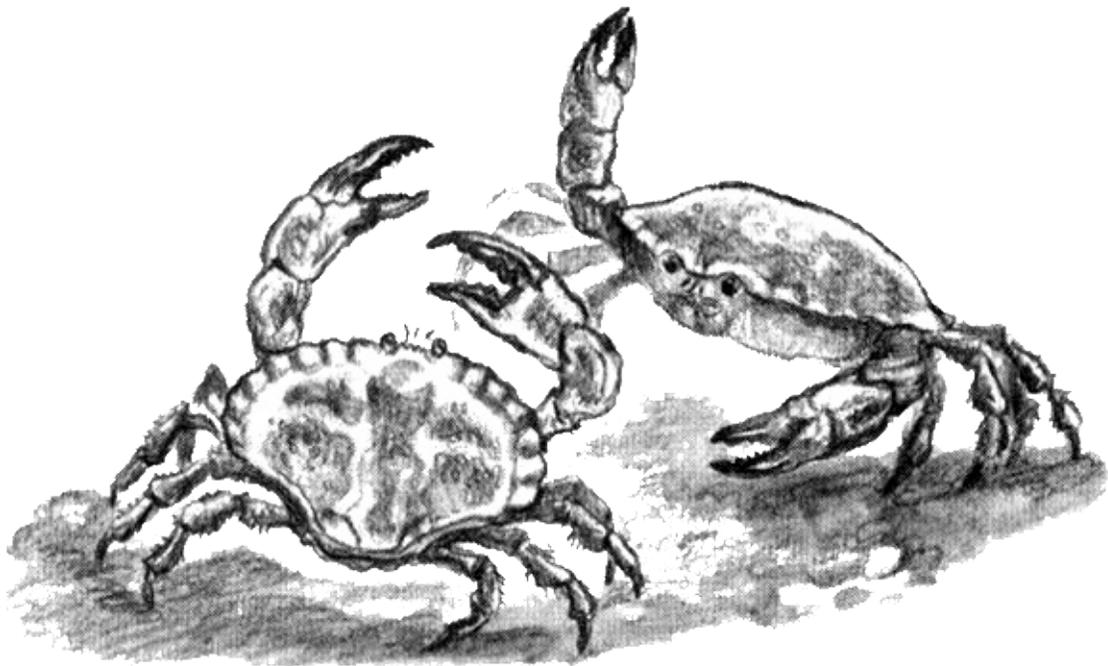
Поэтому последние наставления ската Тронд пропустил мимо ушей. Ему уже не сиделось на месте. Сначала он откопал в песке улитку, потом слопал жирного червя, который извивался среди водорослей. Затем учуял зарывшегося в песок гребешка, обжегся о колонию полипов, выросшую на водорослях, а тут два краба затеяли между собой драку, и Тронд, конечно, не мог пропустить такое увлекательное зрелище.

Он зазевался и легко мог попасть в беду. К тому же это было невежливо по отношению к дядюшке скату, который желал ему добра. Но что поделаешь, дети повсюду одинаково легкомысленны — как в море, так и на суше.

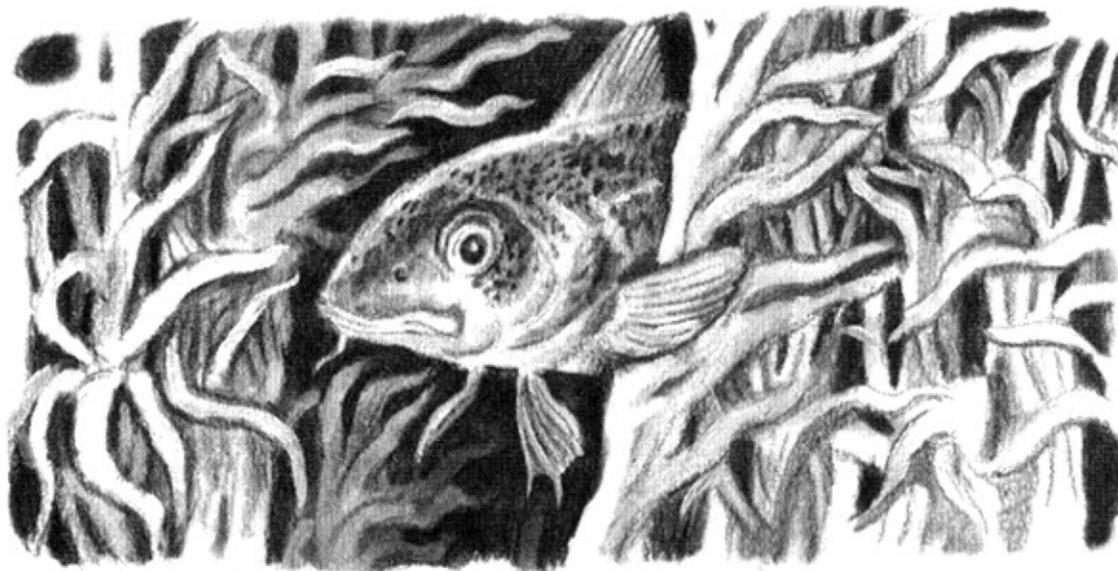
— Вижу, вижу, тебе не сидится на месте, — вздохнув, сказал скат. — Ну, не буду тебя задерживать. До свидания, до следующей весны. Ты найдешь меня здесь, на этом месте...

Тронд простился со скатом и отправился на поиски плотного завтрака. После длинной ночи в желудке трески может уместиться немало пищи.

Скат на прощание помахал Тронду своим удивительным хвостом, потом лениво снялся с места и поплыл к соседней отмели полакомиться вкусными мидиями.

К Лофотенскому морю вместе с крупной треской

Что может быть на свете больше океана? У него нет границ. Как огромное водное покрывало, он окутывает земной шар — от жарких тропиков до полярных льдов.

Океан так велик, что материки кажутся в нем островами.

По могучим волнам океана скользят тысячи кораблей, которые перевозят товары из одной страны в другую.

Волны непрерывно бьются о берег; в течение многих веков они до блеска полируют скалы, дробят камни и раковины мертвых моллюсков, превращая их в песок, смывают в океан почву.

Океан прилежен, он ни на минуту не прекращает работы. Он размывает и выравнивает берега.

Ветры мягко ласкают поверхность океана, морща ее легкой рябью, или хлещут по ней, вздымая рокошующие валы величиной с дом.

Иногда океан отдыхает. В ясную солнечную погоду он лежит неподвижно, словно мертвый.

Но на самом дне океан никогда не бывает мертвым. Жизнь бьет ключом во все времена года повсюду — от заросших водорослями заливов до бездонных морских глубин, куда не проникает луч света.

Мы знаем, что на глубине нескольких тысяч метров живут

диковинные, фантастические животные: рыбы с яркими фарами, которые сами освещают себе путь, и совершенно слепые рыбы, — но никто не знает, что происходит в самых сокровенных его недрах, где на глубине многих и многих тысяч метров лежат беспредельные пространства с горами и долинами, высокими хребтами и бездонными ущельями. В Тихом океане люди сумели измерить места, глубина которых едва превышает десять километров.

Предки всех живых существ вышли из океана. Именно там много миллионов лет назад зародилась жизнь, после того как раскаленный земной шар покрылся твердой коркой и суша была еще голой и пустынной.

Млекопитающие животные произошли от пресмыкающихся, пресмыкающиеся — от земноводных, а земноводные — от рыб.

А так как человек — тоже млекопитающее, значит, все мы состоим в некотором родстве с маленьким Трондом, который живет у берегов Норвегии. И не только с ним, но и с миллиардами других океанских животных.

Мы покинули Тронда в тот самый момент, когда он расстался с дядюшкой скатом.

Была ранняя весна. В это время года природа щедро оделяет рыб кормом, а для животных самое главное — раздобыть себе еду и уберечься от многочисленных врагов. Тронду жилось легко и привольно. Среди густых водорослей он в изобилии находил лакомый корм и так усердно уплетал его, что нагулял жирок и чешуя у него заблестела.

Но вот на смену весне пришло жаркое лето, и море охватила дремотная истома. Вода стала казаться Тронду теплой, и он потерял аппетит.

«Когда корм лежит под самым носом, он начинает приедаться», — решил Тронд. На самом же деле его просто разморило от жары.

Но по мере того как дни становились короче, под чешуйки Тронда стал заползать осенний холодок. Солнце сияло уже не так ярко и за время своего короткого пути по небу лишь ненадолго успевало освещать воду, но зато по ночам в море проникал свет другого солнца. Правда, оно было не таким лучистым, как настоящее. Но Тронду очень нравилось, когда на темном безоблачном осеннем небосклоне всходила большая луна и множество светящихся точек, словно звездочки, зажигались на поверхности воды.

Одно только омрачало Тронда: время снова близилось к зиме. Почти весь корм в море был съеден, и к тому же Тронду стало скучно без товарищей.

Весной Тронд снова увидит дядюшку ската — но ведь до весны еще

так долго ждать! Ах да, скат говорил, что зимой треска ходит косяками. Правда, он предупреждал, что это опасно, но все-таки как хорошо плыть вместе с целым косяком, иметь товарищей и не чувствовать себя одиноким!

Конечно, Тронд еще мал, ему рано нереститься, но почему бы все-таки не пристать к косяку? Он ведь уже подрос и вполне может угнаться за крупной треской. Разве кто-нибудь посмеет сказать, что он не молодец хоть куда? Тронд нарочно стал совершать далекие заплывы, чтобы доказать, что он уже не дитя. Мысль о путешествии не оставляла его. Пора в путь.

Наконец в начале нового года Тронд пустился в далекое плавание к Лофотенским островам.

В темной воде то и дело мелькали большие серые тени — это шла треска. Ну и громадины были среди них! Некоторые достигали целого метра в длину!

Резвые семилетки и восьмилетки впервые отправлялись нереститься. Они несли в своих блестящих толстых брюшках икру или молоки.

Рыбины постарше двигались степенно. Чешуя у них была менее плотная, а хвостовые плавники немного поблекли и растрепались на конце.

Но все они держали путь в одном направлении — к нерестилищам на Лофотенских отмелях.

Рыбы всё прибывали и прибывали. «Вот здорово!» — думал Тронд. Он плыл теперь в огромном косяке трески.

Тронд очень возгордился. Он то и дело раскланивался со своими старшими родственниками.

— Тебе-то ведь еще рано нереститься, — говорили они, удивляясь, что такая молодая рыба плывет вместе с ними.

— Я только погляжу, — беспечно отвечал Тронд.

— Ну что ж, потом пеняй на себя, — сказала Тронду старая треска. — Люди не дают нам спокойно нереститься. Они пользуются случаем, чтобы выловить как можно больше трески.

— Я знаю, — ответил Тронд. (Ведь дядюшка скат уже предупреждал его об этом.) — Я так мал, что сумею проскользнуть сквозь ячейки невода.

— Н-да, быть может. Но не забудь о крючках ярусов. Не одна треска окончила на них свою жизнь.

Рыб становилось всё больше и больше. Они шли теперь таким плотным косяком, что Тронд едва мог пошевелиться. Справа и слева, спереди и сзади, сверху и снизу — всюду плыла треска. Рыбы стиснули Тронда со всех сторон, и, если бы он захотел замедлить ход, ему бы это попросту не удалось.

— Где мы находимся? — спросил Тронд.

— В Вест-фьорде, между Лофотенскими островами и материком, — ответила старая треска. Она всё время плыла рядом с Трондом.

— Это и есть Лофотенское море? — снова спросил Тронд.

— Да, — ответила треска. — Здесь находятся самые лучшие нерестилища — чудесные илистые и песчаные отмели на глубине сорока-восьмидесяти метров. Они такие большие, что всем нам хватает места. Скоро мы до них доберемся.

Теперь всё море кишело треской, но Тронда уже не радовало путешествие. Пятнистые спинки и светлые брюшки стиснули его со всех сторон. Кроме них, он ничего не видел вокруг.

— Берегись! — закричала старая треска.

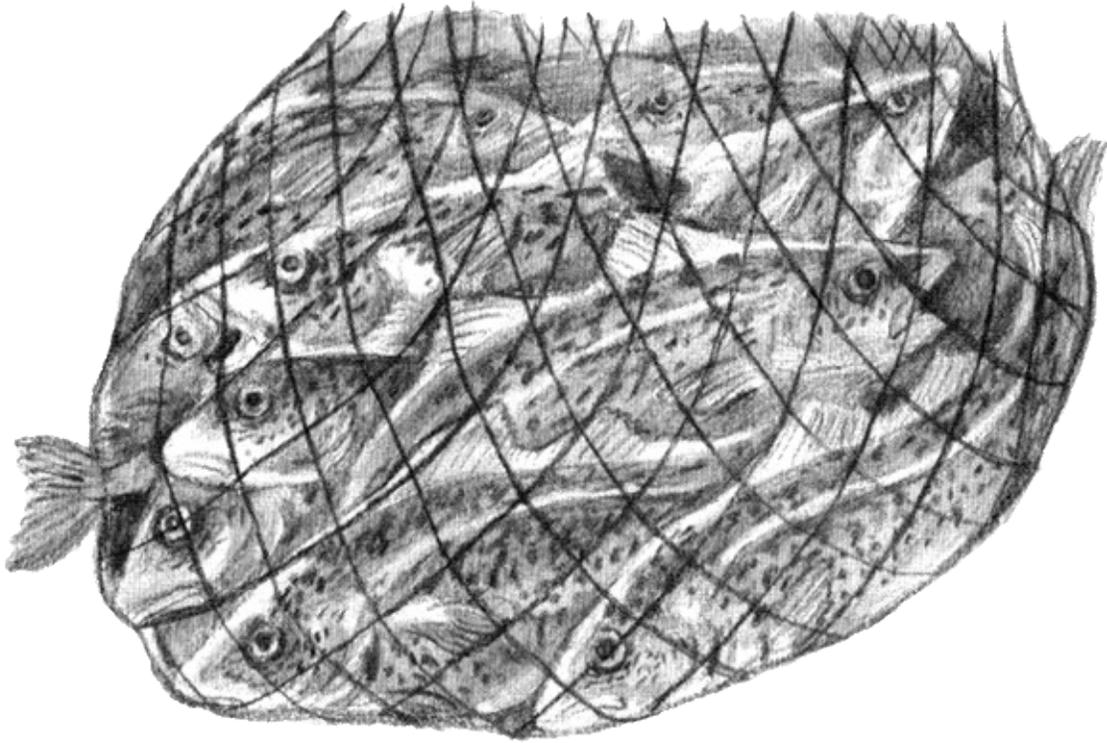
Рыбы угодили прямо в сети с крупными ячейками.

Тронд и старая треска быстро метнулись в сторону и с трудом проложили себе дорогу среди барахтающихся рыб.

— Вот видишь, нам надо остерегаться сетей, — сказала старая треска. — Люди делят фьорд на несколько участков: в одних они ставят сети, в других — ярусы. Гляди, вот еще сеть. Держись рядом со мной. Так! Видишь, нам удалось проскочить. Зато другие не заметили сетей. Вот, значит, не повезло!

И в самом деле, крупные рыбыны барахтались так, что сети ходили ходуном.

«Какой ужас! — подумал Тронд. — И зачем только я затеял это путешествие!»

Старая треска, очевидно, угадала мысли Тронда.

— Пожалуй, тебе не стоит плыть дальше, — сказала она. — Мы пробудем на отмели не меньше двух недель, пока не закончим нерест. Стоит ли так долго ждать? Тебе ведь здесь делать нечего! Убирайся-ка лучше отсюда, да поживей.

Тронд не заставил себя долго просить. Он тут же повернул назад, стараясь пробить себе путь среди рыб, которые так и валили ему навстречу. Наверно, их здесь были миллионы...

— Куда ты? Прочь с дороги! — кричали Тронду рыбы, спешившие к нерестилищу.

Можно себе представить, сколько этих рыб попало в спешке прямо в сети и на крючки!

Самки начали метать икру, и молоки растекались по воде, точно густой серый туман.

У Тронда кружилась голова от шума и суматохи, а выбраться из массы барахтающихся рыбьих тел было далеко не так просто. Но все-таки Тронд как мог прокладывал себе путь: он стремился удрать подальше от нерестилища.

Наконец он понял, что выбрался из Лофотенского моря, потому что треска шла не так плотно.

Тронд подплыл к островку, возле которого волны лениво ударяли о прибрежные скалы, и здесь перевел дух. Ну и потрудился же он! Нет, больше он не отважится на такое путешествие, пока не вырастет по-настоящему!

Тронд проглотил креветку, которая спряталась под водорослью, и окинул взглядом огромный темно-зеленый океан, где таилось столько диковин. Потом он взмахнул хвостиком и поплыл к милому, знакомому берегу, который стал для него родным домом.

